

Михаил БАРУ

## ВО ВСЯКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

*(Окончание. Начало см.: Волга. 2026. №№ 3-4, 5-6)*

### **Список убитым, раненым и без вести пропавшим**

В четырнадцатом году Вологодские губернские ведомости запестрели объявлениями о том, что «Крестьяне Беляевской волости Сольвычегодского уезда по приговору волостного сельского схода от 3 октября сего года пожертвовали 150 руб. на раненых и больных воинов. Крестьяне Покровской волости Сольвычегодского уезда пожертвовали 60 руб. на раненых и больных воинов. Крестьяне Великосельской волости Сольвычегодского уезда по приговору волостного схода от 17 октября сего года за №5 постановили: оборудовать в лазарете Вологодской Общины сестер милосердия Красного Креста для раненых воинов две койки имени крестьян означенной волости и содержать таковые в течение шести месяцев. В Сольвычегодском Уездном по воинской повинности Присутствии во время призыва новобранцев выставлена была кружка для сбора пожертвований на раненых и больных воинов, в которую было собрано 122 р. 47 к. и, кроме того, пожертвовано по подписному листу членами и секретарем Присутствия 16 р. 50 к., каковые деньги назначены на четвертый лазарет Вологодской Общины сестер милосердия Красного Креста и уже поступили по принадлежности». И под всеми этими объявлениями вологодский губернатор писал: «Объявляю всем крестьянам означенной волости мою благодарность за это пожертвование на святое дело помощи нашим доблестным воинам – защитникам Веры, Царя и Отечества».

Крестьяне различных волостей Сольвычегодского уезда, кроме того что единовременно жертвовали деньги на лечение больных и раненых, по приговорам волостных сходов собирали деньги на оборудование одной или двух именных коек в лазарете Вологодской Общины сестер милосердия Красного Креста с обязательством содержать их несколько месяцев или даже до конца войны. Податной Инспектор Сольвычегодского уезда, надворный советник Брылев изъявил желание оборудовать в лазарете Вологодской Общины сестер милосердия Красного Креста для раненых воинов одну койку имени умершей его матери Веры Ивановны Брылевой и содержать таковую на свои средства во все время войны.

В ноябре в Сольвычегодске устроили лотерею-аллегри, давшую чистого дохода 850 руб., из которых половину отдали в кассу Местного Управления Российского Общества Красного Креста для лечения больных и раненых, а остальные отослали в Вологодский Губернский Комитет помощи призванным на войну чинам ведомства Главного Управления Землеустройства и Земледелия и их семьям. Сольвычегодский любительский театральный кружок дал в декабре четырнадцатого года благотворительный спектакль в помещении чайной попечительства о народной трезвости. Анонимный зритель писал в Вологодском листке: «Поставлена была драма Островского “Не так живи, как хочется”. Пьеса была разыграна недурно, и многочисленная публика не скупилась на аплодисменты. Наибольший успех выпал на долю Алмазовой и Журавлева. Чистый сбор от продажи билетов и пожертвований выразился в солидной для Сольвычегодска цифре – 137 руб. Глубокая благодарность любителям-артистам, инициаторше и ответственной распорядительнице спектакля Т. Ф. Новицкой. Кроме материальной пользы, спектакли освежают коснеющую в сплетнях душу обывателя». Образовался Сольвычегодский

Комитет по сбору пожертвований на раненых и больных воинов, быстро собравший четыреста рублей и передавший их в губернский Комитет пожертвований.

Правительство в самом начале войны и даже немного раньше решило интернировать германских подданных в западных пограничных районах. Большую их часть после того, как арестовали, направили в Вологду, а из Вологды в уездные города Вологодской губернии. К началу пятнадцатого года в Сольвычегодский уезд было водворено на жительство около пятисот человек, а в самом городе Сольвычегодске почти полторы тысячи. Прибавим к этим интернированным ссыльным, и получится, что Сольвычегодск, при том что, собственно, сольвычегодцев было около двух тысяч, просто трещал по швам. Через год, в шестнадцатом году, в уезде проживало тысяча шестьсот интернированных, не считая самого города. Следить за ними приставили трех полицейских надзирателей и полтора десятка конных стражников, которые конечно же не могли за всеми уследить, а потому хозяев, сдающих им комнаты, обязали следить за отлучками своих квартирантов и в случае их отсутствия вечером и особенно ночью сразу же заявлять полиции. С одной стороны, все эти интернированные квартиранты доставляли страшное неудобство сольвычегодцам, а с другой – они платили деньги. Хозяева, чтобы получить как можно больше квартирной платы, часто отдавали лучшие комнаты интернированным, в которых они жили по несколько человек, а сами жили в тех, которые остались. Медицинскую помощь получали они точно такую же, что и жители уезда и города. В целом условия у гражданских пленных были неплохими, насколько это было возможно в Сольвычегодске и уезде, но жаловались интернированные на эти условия постоянно, требуя перевести их из уезда в Сольвычегодск, а из Сольвычегодска в Вологду. Жаловались они не только уездному исправнику, но даже и в Бюро помощи американского посольства. Все их не устраивало – болотистая местность, малярия весной и летом, клопы, плохое качество медицинской помощи, антисанитария, враждебность местного населения, необходимость лечения в условиях города... Уездный исправник, которого интернированные заваливали прошениями о переводе, их отклонял, поскольку отсутствовали доказательства диагноза. Пленные, видя, как их плохо охраняют, пытались бежать, но куда бежать немцу в тайге, особенно зимой, когда и местные жители не раз и не два замерзали насмерть, заблудившись.

Все это было в четырнадцатом году, а в пятнадцатом в Сольвычегодский уезд, как и во все остальные уезды Вологодской губернии, стали доставлять большие партии немецких и австрийских военнопленных. Размещали их в крупных селах партиями по сто и более человек. Обстановка в уезде, и без того не очень спокойная, стала еще беспокойнее...

В конце января Вологодские губернские ведомости стали регулярно публиковать список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам по Вологодской губернии.

Между тем обычная жизнь с ее повседневными заботами и печалью в городе и в уезде продолжалась. В зале чайной общества попечительства о народной трезвости состоялся концерт ученического оркестра местного высшего начального училища. Зал концерта был переполнен приглашенными лицами и ученицами местной прогимназии. Крестьянин Черевковской волости деревни Среднего Харина Я. Е. Воронов, 69 лет, ночуя в соседней деревне Кузьминской у крестьянина Павла Виравча, покончил с собой через повешение. Воронов, как выяснилось, был в нетрезвом виде. Сольвычегодское полицейское управление разыскивало хозяина быка, находящегося на прокормлении у крестьянина Сольвычегодского уезда, Алексеевской волости деревни Ершевой Павла Никонина. Государь Император, согласно положению комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, Всемиловитейше соизволил пожаловать золотую медаль для ношения на груди на Аннинской ленте присяжному Сольвычегодского Казначейства отставному рядовому Федору Зазубрину и серебряную для ношения на груди на Станиславской ленте отставному боцманмату фельдфебелю Ивану Абакумову. Приставу Первого стана Сольвычегодского уезда титулярному советнику Клеопатрову, за проявленную им энергию и при обнаружении похищенных из запертой кельи иеромонаха Коряжемского монастыря о. Серафима двух серебряных часов с цепочками и быстрое

задержание преступника, вологодский губернатор объявил благодарность. Резолюцией Губернского Правления от 25 июля 1916 года, утвержденной за Губернатора Вице-Губернатором, удостоены награждения на 1-е июля 1916 года: серебряными медалями с надписью «за беспорочную службу в полиции» для ношения на груди на Аннинской ленте трое урядников, пятеро стражников и трое городских Сольвычегодского уезда и города Сольвычегодска. Некто под псевдонимом «Проезжающий» написал в Вологодском листке о беспорядках на Сольвычегодской земской станции и о недопустимой грубости содержателя станции Шергина. «Масса письменных жалоб в книге, личные жалобы управе ни к чему не ведут и Шергин, с непонятого соизволения последней, продолжает орудовать и изводить несчастных проезжающих... хотя он растерял уже почти всех своих ямщиков и, говорят, вместо одиннадцати пар лошадей имеет всего четыре пары. Дошло до того, что теперь на этой станции не дают лошадей по билетам вологодской земской управы. Так, при моем последнем проезде через Сольвычегодск, 21 января, содержатель Шергин, осмотрев мой билет, выданный из губернской управы, бросил его на стол и грубо предложил ехать “на билете”, говоря, что лошадей он не даст и не обязан давать по этому билету...». В середине августа вышло обязательное постановление о езде по городу Сольвычегодску с колокольчиками и воркунами. Езда в городе с колокольчиками и воркунами воспрещалась во всякое время дня и ночи всем, за исключением пожарной команды и тех, кому право на это предоставлено особыми распоряжениями. Вслед за этим постановлением вышло постановление о воспрещении владельцам домашнего скота допускать бродить его по городу. Тоже обязательное. Третьим обязательным постановлением запретили жителям города Сольвычегодска производить очистку и вывозку нечистот из выгребных и помойных ям в летнее время ранее десяти часов вечера и оканчивать позже десяти часов утра. В селе Пучеге Верхнетоемской волости местные торговцы продавали сушки из своих пекарен. Муку эти торговцы, как выяснили любознательные покупатели, заготовили оптом на весь год, а вот цены на сушки поднимали каждый месяц, а потом и каждую неделю. Что же до сахарной сушки, то она, как писал «Вологодский листок», «совсем и не пахнет сахаром, а пахнет только дорогой ценой».

Цены на продукты росли не по дням, а по часам, а заработная плата... «Вологодский листок» по этому поводу писал в августе шестнадцатого года: «Служащие уездной сольвычегодской управы за все время войны получили прибавку к жалованью от 7 до 12 процентов своих окладов. Оклады же существуют такие, что трудно и предполагать. Например, самым большим окладом является 48 руб. в месяц; до такой громадной суммы дослужился лишь один единственный во всей канцелярии работник, отдавший 12 лет беспорочного и усердного труда на пользу сольвычегодского земства. Затем идут в нисходящей последовательности: лицо, прослужившее 11 лет, получает 41 рубль., лицо, прослужившее 10 лет, получает 30 рубль и так далее. Мелкие служащие получают от 13 до 20 рублей в месяц. Так земство оценивает труд своих работников в то время, когда цены на предметы первой необходимости, одежду и квартиры поднялись неимоверно. Так, например, мясо, стоившее раньше 9 коп. фунт, продается по 40 коп., скоромное масло с 25-28 коп. дошло до 80-85 коп. фунт, хлеб с 2 ½ до 7 коп. за фунт. Можно себе представить, как живут эти люди, если у них есть семьи? И если только они не бегут со службы, то разве исключительно потому, что преданы своему делу душой и телом. Но если это так, если эти служащие земства настолько преданы своей тяжелой в данное время работе, то должно быть более стыдно тем, кто так пренебрежительно относится к этим труженикам. Правда, в настоящее время в портфеле председателя управы находится прошение служащих об увеличении им жалования, но ведь надо ждать земского собрания, а до того времени можно много раз умереть с голоду».

И все это при том, что уездное земское собрание, прошедшее в конце ноября шестнадцатого года, увеличило председателю оклад до трех тысяч рублей, выдало ему полторы тысячи наградных и подарило золотые часы за пятьсот рублей. Членам земской

управы увеличили оклады до 1200 рублей и дали премии по восемьсот рублей. Земским учителям дали прибавку в пять рублей. Правда, задержали выплату.

В уезде с продуктами дело обстояло ничуть не лучше, чем в городе. Исчез из продажи сахар, и крестьяне стали скупать карамель и изюм, цены на которые мгновенно выросли в четыре и даже в пять раз. В Сольвычегодске, в котором тоже не стало сахара, расцвела меновая торговля – за два фунта сахара можно было выменять воз дров, стоимостью в пять рублей. С дровами тоже все было не слава богу. В феврале шестнадцатого года собрание городских уполномоченных постановило организовать заготовку дров для продажи населению, и для этой цели временно заняли из благотворительного капитала купца Хаминова три тысячи рублей. Пока искали лес, который можно купить числом поболее ценою подешевле, прошло восемь месяцев, и к концу осени выяснилось, что трех тысяч рублей на эти цели не хватит. Запасов дров в городе почти не осталось, а цены на них поднялись так, что большинство жителей их не имели возможности купить. Собрание городских уполномоченных решило просить правительство о ссуде размером в пятнадцать тысяч сроком на девять месяцев. Правительство отказало и предложило сольвычегодским властям взять кредит у частных банков под правительственные гарантии. Денег и на закупку продовольствия тоже не хватало. Решили возбудить отдельное ходатайство о выдаче городу продовольственной ссуды.

Наступил семнадцатый год. Корреспондент «Вологодского листка»<sup>80</sup> сообщал из Сольвычегодска о том, что «Восьмого февраля в помещении чайной комитета о народной трезвости дан был ученицами местной гимназии под руководством г. Р-ва спектакль, сбор с которого поступил в пользу столовой для учащихся в г. Сольвычегодске. Поставлена была пьеса “На пороге к делу” Островского и Соловьева. Пьеса прошла с большим успехом. Очень мило проведена роль учительницы Веры. Прекрасно передан тип сторожа Акимыча и вообще всеми участвующими роли переданы хорошо. Нельзя не выразить благодарности г. Р-ву, сумевшему организовать молодые силы. Сбор, несмотря на маленькое помещение, выразился в сумме около четырехсот рублей.

Десятого февраля в помещении чайной комитета о народной трезвости состоялся ученический вечер воспитанников реального училища. Были разыграны весьма живо “Дома”, миниатюра Чехова, “Унтер Пришибеев” и “Вытурил” шутка в одном действии Гриссер и Чирикеева и исполнено несколько легких вещиц оркестром балалаечников из учеников реального училища под управлением воспитанника IV класса, у которого заметны большие музыкальные способности. Сбор, состоявшийся из пожертвований, поступил в пользу родительского комитета при реальном училище».

### **Громогласное ура**

Четвертого марта Сольвычегодский Временный комитет распространил срочно напечатанное в местной типографии обращение к сольвычегодцам: ««Граждане города и уезда Сольвычегодского! Произошли великие события. Свершилось то, о чем каждый из нас, быть может, едва смел думать: Россия стала свободной, и мы все свободные ее сыны! Старое правительство, стремясь бесконтрольно хозяйничать в стране, не сумело править нашей Великой Родиной. Полнейшая разруха во всех отраслях народной жизни, недостаток продовольствия и невообразимое расстройство в доставке предметов первой необходимости в обыденной жизни и нужных для обороны, как результат всей деятельности старого правительства, привели к тому, что Государственная Дума, в ответ на указ правительства о роспуске Думы, решила разом покончить с этим злом, разъедающим нашу внутреннюю жизнь и отдаляющим и час нашей решительной победы над внешним врагом. Она 27 февраля, в согласии и единении с союзом рабочих и солдатских депутатов, арестовала всех членов старого правительства и взяла всю полноту власти в свои руки. Назначены новые министры из числа народных избранников – членов Государственной

думы и учрежден высший орган власти Исполнительный Комитет Государственной Думы. <...> Власть эту признали и на сторону ее встали все войска Петрограда, начиная с войск, стоявших на личной охране Царя, все войска, находящиеся внутри России и все войска, находящиеся на фронте. Признали ее и все Российские граждане. В помощь временному Комитету Думы организуются на местах такие же Комитеты, в губерниях – губернские, а в уездах – уездные, составленные из избранных самого народа. 4 сего марта и в г. Сольвычегодске образовался Временный Уездный Комитет, который состоит из 17 членов, 11 из коих избраны общим собранием граждан, состоявшемся в городе 4 марта, а 6 имеют быть избраны на местах в уезде. Все правительственные учреждения и отдельные служащие лица, признавшие новое правительство, остаются на своих местах и должны делать каждый свое дело.

В состав местного Сольвычегодского Комитета избраны: Городской Староста Д.А. Спасский, И.о. Председателя Съезда Земских Начальников В.А. Ешкилев, Непременный член Землеустроительной Комиссии А.А. Андреев, Котласский лесничий Д.Я. Голубев, Сольвычегодский лесничий П.А. Сабуров, учитель Реального училища Н.Ф. Назарьев, учитель приходского училища А.Д. Жданов, земский врач И.С. Славин, крестьянин Метлинской волости П.В. Верховцев, начальник почты Я.Е. Мосолов, судебный следователь Б.А. Россов. <...> Сам Комитет из состава своих Членов избрал: Председателем Д.Я. Голубева. Товарищами Д.А. Спасского и П.А. Сабурова и Секретарями: Н.Ф. Назарьева и А.Д. Жданова.

Нам, граждане Сольвычегодские, надлежит спокойно и вдумчиво отнестись к происшедшим событиям. Признав всецело новое Правительство пусть каждый из нас отдаст все свои силы на согласную и плодотворную работу под его началом, на благо Родины нашей, памятуя, что это благо выше всего. Не должно оставаться ни одной минуты в нерешительности. Отныне нам дано великое право называть себя гражданами. И как свободные граждане свободной России объединяйтесь, организуйтесь, становитесь каждый на защиту своих прав и на охрану собственных и общественных спокойствия и безопасности. Не допускайте никаких насилий над другими, не оскорбляйте друг друга ни словами, ни делом, помня, что это прежде всего недостойно нас самих, как свободных граждан. За разрешением всяких сомнений и вопросов обращайтесь к власти, которая есть на местах и по-прежнему исполняет свое дело, оказывайте ей полное повиновение и содействие, ибо она есть власть законная. Без власти было бы безвластие, следовательно, не было бы порядка. Воинские чины повинуйтесь офицерам и не делайте ничего без их приказаний! В г. Сольвычегодске обращайтесь во всех нуждах к Членам Временного Комитета. Всякие попытки к нарушению общественного спокойствия со стороны, как отдельных членов, так и целых групп, старайтесь предупреждать и прекращать путем вразумления и разъяснения, что этого не должно быть, не ожидая вмешательства вооруженной силы. Итак, дружно к общей согласной работе во благо нашей Родины и к победе над врагом. С нами Бог!»

«Вологодский листок» писал: «Утром пятого марта нижними чинами местной воинской команды разоружена полиция и оружие сдано воинскому начальнику. Никаких столкновений с полицией не произошло. Охрана города до организации милиции вверена воинскому начальнику. В полдень дня пятого марта перед зданием уездного съезда при большом стечении народа председателем комитета Голубевым прочитан манифест об отречении Николая II от престола, а затем произнесена горячая речь, закончившаяся громогласным ура. В городе все спокойно. Все учреждения функционируют. Граждане Сольвычегодска, переходя на сторону нового правительства, горячо приветствуют солдат и рабочих, освободивших России от векового гнета, который привел Россию к полной разрухе. Граждане в полной уверенности, что новое правительство в единении с народом доведет войну до желательной победы».

За день до разоружения полиции в Сольвычегодске в уезд, в село Черевково, приехал для установления новой власти уполномоченный от Петроградского Совета рабочих и

солдатских депутатов левый эсер Зиновьев<sup>81</sup>. Буквально в день приезда революционно настроенный Зиновьев напал на местного урядника, сорвал с него погоны, кокарду с шапки, отобрал шашку, сломал ее через колено и выбросил обломки в ручей. Восьмого марта в село Черевково, бывшее административным центром Черевковской волости, из Сольвычегодска пришла начальнику почты телеграмма, в которой предписывалось оповестить население волости о необходимости избрать волостное отделение Сольвычегодского временного комитета, который к тому времени уже начал работать в уезде.

Вологодские губернские ведомости в мае напечатали очередной именной список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам по Вологодской губернии, в который попали пятеро сольвычегодцев: старший унтер-офицер Пантелеев, подпрапорщик Лазарев, рядовые Стуков, Щипин и Ганев. Первые три ранены, а последние два убиты.

Первого июня образован Сольвычегодский уездный совет крестьянских депутатов. В исполнительный комитет этого съезда вошли шесть человек. Правда, как писала газета «Вольный голос Севера», средств у этого комитета не было, а потому и работы в нем никакой не велось. В начале июля в Сольвычегодске при содействии инструкторов Вологодского общества сельского хозяйства организовалась уездная культурно-просветительная комиссия при земской управе, которая ставила своей целью постоянную и непрерывную работу по внешкольному образованию в уезде и, что было тогда ничуть не менее, а может быть и более важно, политическую подготовку населения к выборам в Учредительное собрание. В середине ноября выборы в Учредительное собрание в волостях Сольвычегодского уезда прошли и большинство крестьян проголосовало за эсеров. В середине мая начали набирать людей в штат сольвычегодской городской милиции и набрали два десятка человек, в основном из демобилизованных по болезни солдат. Не то чтобы инвалидная команда, но...

К концу лета семнадцатого года стало ясно, что продовольственный кризис того и гляди превратится в голод. Хлеба не хватало, и просто купить его, как раньше, в Вятской губернии было невозможно. Вятской губернии его самой не хватало. Зерно нужно было экономить и расходовать его, к примеру, на самогонование, но... сольвычегодские крестьяне расходовали. Как, спрашивается, не варить, когда еще в четырнадцатом году старыми властями был введен запрет на продажу крепкого алкоголя, а новые в ноябре впредь до особого распоряжения воспретили производство алкоголя и всяких алкогольных напитков.

«Вольный голос Севера» напечатал в августе семнадцатого года две заметки на тему самогонования в Сольвычегодском уезде. В первой, написанной солдатом по фамилии Волосков, было сказано, что «Несмотря на остроту продовольственного вопроса и тяжелое положение нашей родины, наши крестьяне продолжают варить “ханжу” (пиво) и делать самодельную водку – “самокурку”. С грустью приходится отмечать неотзывчивость населения к происходящим событиям и несочувствие в нужде своему же брату. С давних времен в волости установились летние праздники в роде: “Петров день”, “Прокопьев день” и т.д. И эти дни святых превращаются в сплошное пьянство, сопровождающееся дракой между собой. Особенно нынче отличился “Ильин” день 20 июля. В деревне Раменье, за малым исключением, все домохозяева наварили и накурили хмельных изделий вдоволь. Пьяных появилось много. На почве укрывательства от военной службы произошла драка, в итоге которой одного крестьянина избили до полусмерти, двоим нанесли тяжкие побои и выбили 17 шт. рам в окнах. А между тем, ведь фунт хлеба составляет большую ценность, а тут перегоняют на водку этот ценный предмет. Не преступно ли это? Пора, граждане, бросить забавлять себя этим скверным удовольствием. Для строительства новой жизни нужно знание. Вот над этим-то и следовало бы подумать. Нужно сознательное отношение к переживаемым событиям. К этому и надо стремиться. В волости при двухклассном училище организуется библиотека и читальня. Побольше проявляйте интереса к ней и почаще заглядывайте туда»<sup>82</sup>.

Вторая же под названием «Воззвание ко всем гражданам Сольвычегодского уезда» и за подписью председателя комитета Мальцева и секретаря Бурмагина напоминала крик души: «Обращаемся к вам, граждане с великой мольбой и искренним убеждением, и пусть наши слова не замрут бесследно в пустом воздухе, а найдут отзыв в ваших добрых сердцах. Самодержавие жестоких и бесчувственных правителей давало русскому народу поменьше школ, а побольше кабаков и полиции. И правительству вместе с помещиками-капиталистами выгодно было держать нас в темноте и невежестве как в хлеве с завязанными глазами. Оно властно повелевало закрывать народные газеты, уничтожало хорошие книги; лучших людей – борцов за народное право – сажало в крепости и гноило там по десяткам лет, всячески издеваясь над мучениками за истину. Ни библиотек, ни собраний – ничего нельзя было устроить и образовать. С глупым, ехидным чувством чванством оно приказывало: “плати подати и не смей рассуждать!”». И народ не смел рассуждать даже о самых необходимых улучшениях своей жизни, в постоянном молчании замирал и переставал думать... И с горя, и от безмолвия продолжал тянуть “николаевскую”.

А теперь ведь, граждане, не то. Зловонная власть царя и его приспешников сброшена. И солдат, и рабочий, и люд крестьянский стали свободными. Величественно разлетается по Руси свободное слово крестьянской печати. Множество книг расходуется и почитывается; в книгах открывается вся правда, особенно про бывших наших поработителей. Открываются библиотеки и народные дома для разумных развлечений, для поучительных бесед. Вы, граждане, сами теперь можете разобраться во всем окружающем и сознательно относиться к устройству новой жизни; да много есть и хороших людей, которые помогут вам в создании лучших, новых порядков. Всякую свободную минуту вы можете употребить на пользу себе. Довольно, граждане, забавляться и отравлять свою жизнь “ханжой” и “самокуркой”. Тяжело чувствовать это в настоящее время, когда каждый фунт муки на учете, когда каждый час дорог для полезной работы. Бросьте эту привычку; это царское самодержавие приучило вас проводить время в безсознании. Это безсознание было выгодно врагам народа. Безсознательный народ не мог требовать отчета в делах своих гнусных правителей. Граждане! Берегите муку на здоровое продовольствие, а время не на выгонку “пьяных зелий”, а на строительство своей счастливой новой жизни!»

В декабре Вологодские губернские ведомости напечатали «Циркуляр начальникам вологодской городской милиции и всем уездным. В Губернском Правлении получено требование Вологодской Казенной Палаты о розыске недоимщика Великобританского подданного Чарльза Лангфорда, производившего лесные заготовки в Березонаволоцкой волости Сольвычегодского уезда и принадлежащего ему имений и капиталов, на предмет числящихся за ним недоимок». В самом конце декабря уездный член Великоустюгского окружного суда через губернские ведомости вызывал наследников к имуществу, оставшемуся после умершего в октябре семнадцатого года Сольвычегодского второй гильдии купца Прокопия Васильевича Хаминова. Сами Вологодские губернские ведомости умерли в декабре этого же года.

### **Мобилизация социалистически настроенных трудовых масс**

О том, что власть в Петрограде перешла в руки большевиков, в Сольвычегодске и уезде узнали из телеграфных сообщений. Газеты добирались в эти края не меньше недели. Встретили новую власть спокойно. В начале января восемнадцатого года в Сольвычегодске прошел Третий Чрезвычайный уездный съезд крестьянских депутатов, признавший, что власть в стране должна быть сосредоточена в руках рабоче-крестьянского правительства, возглавляемого ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И его исполнительного органа Совета народных комиссаров. Вся полнота власти в уезде должна принадлежать Совету, которую он осуществляет с настоящего момента, и все граждане должны подчиняться его решениям. Вместе с тем съезд приветствовал и созыв Учредительного собрания, поскольку это было требование как рабочих, так и крестьян.

Съезд постановил объединить советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а в волостях организовать советы крестьянских депутатов. С конца января по конец августа восемнадцатого года большевики эти советы крестьянских депутатов и организовывали. Точнее сказать, переименовывали теперь уже устаревшие и не соответствующие требованиям текущего момента земские управы в советы крестьянских депутатов.

В самом конце января на совещании по закупке хлеба при продотделе Сольвычегодского уездного земства, которое пока еще существовало, было решено командировать в Сибирь уполномоченного земства Долинина и заведующего продотделом Пузырева для закупки хлеба по любой цене. До первого июня необходимо было купить в Сибири как минимум полсотни вагонов зерна. В противном случае городу и уезду грозил голод и, как следствие, беспорядки.

23 февраля в Сольвычегодске открылся уездный съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Начался он с того, что председатель собрания зачитал известный декрет Совета Народных комиссаров РСФСР о том, что «Социалистическое отечество в опасности», изданный в связи с начавшимся наступлением 18 февраля германской армии. Съезд постановил поддержать народное правительство и немедленно приступить к формированию отряда Красной армии в уезде для обороны страны. С сообщением об этом была отправлена телеграмма в Петроград. Тут же, на съезде, была избрана комиссия для безотлагательного формирования такого отряда. Во второй телеграмме Сольвычегодский съезд Советов извещал центральные власти о том, что «Сольвычегодский уездный съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов стоит на точке зрения меньшинства ЦИК и полагает, что мобилизация социалистически настроенных трудовых масс даст должный отпор германским империалистам и этим самым пробудит революционное движение среди рабочих и крестьян всех стран». На том же съезде было принято решение об уменьшении нормы продовольствия до 25 фунтов хлеба в месяц и о реквизиции всех имеющихся сверх нормы запасов. В волостях это решение энтузиазма не вызвало. К примеру, крестьяне Нижнетоемской волости после того, как заслушали постановление съезда на своем собрании, решили: «так как... в волости имеется недостаток хлебных запасов, то ввиду излишних расходов по переписи одного и того же хлеба уже 3 раза, больше перепись не производить, т.к. ввиду недостатка хлебных запасов реквизиции никакой быть не может».

Четырнадцатого марта, когда до весеннего сева оставалось полтора месяца, в продовольственный комитет Сольвычегодского уезда из Вологды пришла телеграмма с известием о том, что Вятская, Пермская и Уфимская губернии отказали в семенном материале вологодским представителям. «Организуется забастовка Сибири, надежды получения потребного количества слабы. Примите меры перераспределения местных семян. Губпродком». Такая телеграмма уездные власти, мягко говоря, не обрадовала. В тот же день в Сольвычегодске решением Сольвычегодского городского Совета рабочих депутатов городская дума, учрежденная еще по указу Екатерины Второй, как орган местного самоуправления, была упразднена. Все ее обязанности и полномочия перешли к городскому Совету рабочих депутатов. Городскую управу оставили в прежнем составе, и она должна была работать до тех пор, пока Совет посчитает это необходимым, а уж после решения о роспуске ее обязанности будут возложены на новый исполнительный орган.

Съезды следовали один за другим. 23 мая открылся Второй съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов совместно с представителями организаций Сольвычегодского уезда. Съезд открыл избранный на первом съезде первый председатель Сольвычегодского уездного исполкома Василий Николаевич Скорняков, который признал, что финансовое и экономическое положение уезда тяжелое, что население относится к советской власти в лучшем случае недоверчиво, а в худшем просто враждебно, что от уплаты подоходно-прогрессивного налога население некоторых волостей отказалось наотрез. Часть населения просто голодает, не имея ни хлеба, ни денег на его покупку. Власти, конечно, помогали голодающим как могли, а могли они с помощью постоянных



реквизиций хлеба у зажиточных граждан и пособий от уездного продотдела. Реквизиции порой проводились на местах самовольно и напоминали обычные грабежи, в результате которых продукты тайком вывозились и продавались. Конфискованные у частных владельцев, у церкви и казенные земли поставили на учет и поделили. Уравнительно, конечно, поделили. У тех, у кого земли было мало или очень мало, она наконец появилась, но беда была в том, что оставленное на семена зерно часто размалывалось в муку, и поэтому сеять было просто нечем. Само собой, что при такой раздаче земель конфликты между волостями и частными землевладельцами происходили куда чаще, чем властям хотелось бы.

На съезде ряд депутатов выступил с предложением создать уездную газету, которая была бы печатным органом Сольвычегодского уездного Совета крестьянских и рабочих депутатов. Предложение поддержали единогласно, и уже в июне сольвычегодцы держали в руках первый номер уездной газеты «Свободный край». Это был один лист серой оберточной бумаги очень плохого качества, но это была первая в истории Сольвычегодска газета, выходившая раз в неделю, пусть и небольшим тиражом. К концу ноября восемнадцатого года газета, сменившая к тому времени название на «Голос бедняка», выходила уже два раза в неделю – по четвергам и воскресеньям.

Вернемся к съезду и к проблемам, которые на нем обсуждались. Состояние дорог в уезде, и без того не очень хороших, за время перехода от старого мира к новому стало хуже некуда. Не хватало медикаментов и медицинского персонала, а вот заразных болезней было более чем достаточно, поскольку лечить было некому. Прошли и второй, и третий, и четвертый съезды Советов, а ситуация в уездном здравоохранении оставалась прежней.

Из доклада заведующего уездным отделом здравоохранения на Пятом Съезде Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов и представителей различных организаций Сольвычегодского уезда в июне девятнадцатого года: «Развитие эпидемических заболеваний вследствие заноса эпидемии приезжающими больными солдатами и на почве голода. <...> Особенно в последнее время участились заболевания сифилисом, занесенным в деревни приезжающими солдатами. Для сифилитиков предположено открыть барак в селе Черевково. Особенно трудно было работать в борьбе с заразными болезнями медицинскому персоналу оттого, что не было совершенно перевязочных средств. Так как население было занято перевозом военного транспорта и когда нужна была необходимая помощь немедленно, приходилось ждать лошади и день и два. Медикаментов в больницах и фельдшерских пунктах ощущается большой недостаток, да и достать их сейчас очень трудно, это ставит в трудное положение при лечении больных. Продовольственное положение больниц плачевное в связи с недостатком продуктов питания в Упродкоме и невозможностью закупить таковые на местах. <...> Оплата труда медицинским работникам производилась не очень аккуратно, но в последнее время с переходом расходов по медицине на государственный счет, удовлетворение содержанием происходит без задержки».

Из доклада заведующего ветеринарным отделом: «Работа направлена к прекращению эпидемических заболеваний скота, занесенных прибывшими с фронта лошадьми и на борьбу с заболеваниями, возникшими от плохого питания. Указывая на громадную убыль скота от частых реквизиций военными властями и гибелью от перевозки транспорта, докладчик предлагает обратиться в центр с ходатайством об освобождении нашего уезда от дальнейших реквизиций скота и мобилизаций конского состава».

С народным образованием в восемнадцатом году все обстояло немногим лучше, чем со здравоохранением – в уезде не хватало школ и училищ<sup>83</sup>. Газета «Северное эхо» в апреле восемнадцатого года писала: «Продовольственная неурядица больше всего отразилась на учащихся. Угрожающий городу в апреле голод поставил перед педагогическими советами дилемму: продолжать занятия до Пасхи, рискуя заставить учащихся голодать в буквальном смысле слова, либо в ущерб законченности и цельности курсов отпустить учащихся по домам на месяц ранее. Пришлось признать Сольвычегодск угрожаемым “по голоду” и,

скрепя сердце, поставить на первый план требования желудка, а не педагогики. Возможность скорого наступления весенней распутицы, лишаящей главный контингент учащихся детей крестьян из уезда сообщения с домом и доставки “харчей”, явилась не менее важным мотивом для необычно раннего отпуска. Как можно судить уже теперь, эта мера крайне нецелесообразная с педагогической точки зрения, оказалась весьма благоразумной. Весна наступила дружная. Дороги почернели и рыхлый снег проваливается даже под ногами пешеходов, не говоря уже о лошадях. Цены на подводы заиграли: за провоз на одной лошаденке берут до ста двадцати рублей за шестьдесят верст. Порча пути отразилась и на обычном благовещенском “торжке” – маленькой ярмарке. Нет подвоза продуктов из дальних деревень, а привезенная ближними крестьянами снедь берется нарасхват по очень высоким ценам изголодавшимся обывателем».

Несмотря на сложности с дорогами и продовольствием, 19 мая в Сольвычегодске начал свою работу учительский уездный съезд, на который прибыло свыше двухсот пятидесяти участников. Большая часть из них пришла пешком, некоторые спускались в лодках по бурной и многоводной в это время Вычегде. Обсуждали отделение церкви от государства, преподавание истории и естественной истории в начальной школе, краткосрочные учительские курсы, выбирали делегатов на разные съезды и в губернский совет по народному образованию. О том, о чем не говорили вовсе или почти не говорили, написал корреспондент «Северного Эха», присутствовавший на съезде: «Доклады с мест лишний раз подчеркивают “мягкотелость” нашего интеллигента учителя. В первую голову они говорят о необходимости поднять экономическое благосостояние деревни и улучшения таким путем жизни населения, затем о необходимости создать духовные ценности и повысить культурный уровень учительства, для чего последнее, уделяя крупные сравнительно отчисления из своего грошового жалованья на выпуск педагогических журналов, книг и газет, организовывало особые библиотеки, устраивало групповые собрания, на которых читались доклады и рефераты. И только вскользь, как бы стыдясь, докладчики отмечают “плачевное” материальное положение учащихся, которым и земство заработной платы не шлет, и крестьяне в долг не дают и не верят.

В пояснение того, что принято называть “плачевным положением учительства”, должен указать, что местами дети учащихся идут “в кусочки” (нищенствуют), местами учащие просят обучаемую ими мелюзгу принести им хлеба и крупы, так как иначе они не в силах будут вести преподавание, местами по окончании учебного дня сами учащие идут по деревням собирать съестные продукты для пропитания себя и семьи! Такое положение вещей начальный учитель называет лишь “плачевным” и ропщет про себя на горькую судьбу, полуголодный и оборванный он мечтает о самоусовершенствовании и создания экономического благополучия и умственного развития деревни».

И еще о съезде. Жители Сольвычегодска приехавшим школьным работникам были совсем не рады, воспринимая их как лишние рты. Горожан можно понять, если учесть ситуацию, в которую попал Сольвычегодск весной восемнадцатого года.

29 мая в Сольвычегодске закончил свою работу съезд лесных специалистов уезда. На съезде выяснилось, что за время революционных событий было вырублено с нарушением всех планов лесоустройства свыше полумиллионов строевых бревен. Вследствие этих вырубок лес оказался засорен ветками срубленных деревьев, что грозило масштабными лесными пожарами. Для расчистки леса требовалось триста тысяч рублей и не менее шестисот человек добавочной лесной стражи. Впрочем, и с той лесной стражей, что уже имелась, было не все благополучно. Старую, которая работала еще при царе, уволили и набрали новую, но оказалось, что в новую стражу попал элемент, настолько неподготовленный к выполнению стоящих перед ним задач и настолько неблагонадежный, что впору было защищать лес от него.

Голод неотвратимо приближался, и городские власти лихорадочно искали средства для закупки продовольствия. Еще раз процитируем сольвычегодского корреспондента Северного эха: «Проявил признаки жизни и недавно захвативший в свои руки городское

хозяйство исполнительный комитет городского хозяйства. “Отцы города” решили призвать горожан к взносу 70000 рублей на покупку муки. Нельзя не отметить значительности этой суммы для маленького Сольвычегодска, насчитывающего вряд ли свыше 2000 душ. Взносы на покупку хлеба были установлены двоякие: невольные и добровольные. Первыми из них облагались более зажиточные, вернее, признанные таковыми комиссией городского совета, обыватели. Число их достигало внушительной цифры 126 человек. Признаки, по которым комиссия отделяла козлиц от овец, точному определению не поддаются. Размер ссуды городскому управлению был определен в 45 руб. в год на едока, так, что лицам многосемейным, даже из числа получающих приличное сравнительно содержание в 400–500 руб. в месяц, уплата ее в установленный двухнедельный срок оказалась не по силам. Комиссия постановила у уклоняющихся от платежа брать суммы с книжек сберегательной кассы и даже описывать и продавать имущество. Однако и при этих энергичных мерах приток средств в пустую кассу города не превысил 16000 рублей. Где и как будет добыта остальная сумма, неизвестно. Поговаривают о предстоящем обложении некоторых лиц, располагающих капиталами свыше 5000 руб. Вряд ли, однако, и этим путем удастся сколько-нибудь значительную сумму. Недовольство в городе общее, а неуверенность в возможности получения хлеба взамен внесенной “ссуды” от городского самоуправления мало способствует устранению обывательского брюзжания».

Нужно сказать, что власти не только описывали и продавали имущество богатых сольвычегодских граждан, нежелающих платить взносы на покупку муки, но и отправляли некоторых из них посидеть в тюрьму и подумать над своим поведением. Кроме того, был введен налог в пользу безработных, которых в Сольвычегодске, если не считать тех, кто не хотел работать, вовсе не было.

Теперь об обычной, не связанной со съездами, жизни города в восемнадцатом году. Она, несмотря на голод, отсутствие промышленных товаров, выросшую преступность, национализацию купеческих домов, пароходов и гражданскую войну, была. Обратимся к одной из заметок сольвычегодского корреспондента «Северного эха», напечатанной в газете в конце мая восемнадцатого года: «<...> А так как денег в Сольвычегодске по-прежнему тратить не на что, то процветает теперь наш клуб, где идет крупная картежная и билиардная игра, и чуть не ежедневно устраиваются спектакли в нашей чайной. Театральная публика у нас теперь новая: те, кто раньше занимал первые ряды – те теперь сидят дома или берут входные билеты, а первые места занимают кавалеры и барышни “с почты”, пристроившиеся к новой власти учителя и прочая “чистая” публика новой формации. Интеллигентный пролетариат съезжился и потихоньку вздыхает о своем былом довольстве, да понемногу распродает то, что успел скопить за прежние годы. Благо, цены на все стоят высокие, так как капиталисты наших дней не привыкли пользоваться деньгами и бросают их, как и куда попало. На днях только продан был трехрублевый будильник за 35 рублей <...> а дамские часики за триста. Кто не хочет покупать – прибегают к старинному способу приобретать вещи – просто крадут. И новая власть бессильна прекратить редкое прежде воровство. А воры наглеют с каждым днем».

Между дорогими дамскими часами за триста рублей и созданием комитетов деревенской бедноты втиснем сообщение о том, что в середине июня была организована Северо-Двинская губерния с центром в Великом Устюге. В нее вошло пять уездов, среди которых был и Сольвычегодский.

Теперь о комитетах бедноты, которые стали создавать в уезде по решению Сольвычегодского исполкома в середине июля. Понятно, что не всем в уезде это понравилось. Зажиточные крестьяне и часть деревенской интеллигенции была против. Поскольку рупором этих настроений была беспартийная газета «Сольвычегодский листок», власти ее немедленно закрыли. Поскольку обстановка была, мягко говоря, тревожной, уездный исполком ввел в городе и уезде военное положение и оповестил об этом граждан объявлениями, привел в состояние боевой готовности расквартированные части Красной армии и милиции. Повод для тревоги был серьезнее некуда – второго августа англичане

высадились в Архангельске, в котором накануне ночью произошло восстание. Советской власти пришлось из города срочно эвакуироваться. Известие о белогвардейском перевороте достигли до Сольвычегодска и уезда буквально через пару дней. Настроения в разных волостях уезда были разные, но в целом крестьяне остались спокойными и никаких сколько-нибудь заметных выступлений против Советской власти летом восемнадцатого года не было. Военных действий на территории Сольвычегодского уезда не велось. Правда, в государственном архиве Архангельской области сохранилось сообщение Сольвычегодского уездного военкома о том, что на территорию уезда в конце августа залетал вражеский аэроплан, который был обстрелян нашими пароходами. Вот, собственно, и все военные действия.

В середине сентября в Сольвычегодске прошел Третий съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов и представителей организаций Сольвычегодского уезда. На съезде постановили немедленно приступить к организации комбедов с тем, чтобы они взяли на учет излишки урожая и не спускали глаз с кулаков; начать формировать продотряды и коммуны; объявить мобилизацию буржуазии для рытья окопов и подсобных работ. Обстановка в городе и уезде была спокойной, насколько возможно в тех обстоятельствах. Открытой антисоветской агитации нигде не велось, крестьяне северных волостей уезда вблизи границы Архангельской губернии оказывали частям Красной армии поддержку в борьбе с англо-французскими интервентами и белогвардейцами. Мобилизация молодежи и даже буржуазии по всем волостям проходит успешно. В конце октября в Сольвычегодске был организован Реввоенсовет, председателем которого стал уездный военком, а членами председатель уездного исполкома и председатель уездной ЧК.

### **Декрета вашего не признаю**

Тринадцатого ноября в Сольвычегодске был расстрелян настоятель Сольвычегодского Введенского монастыря игумен Леонид (Молчанов). 29 октября того же года Сольвычегодская ЧК, рассмотрев следственное дело о. Леонида, постановила: «В связи с непризнанием настоятелем Введенского монастыря Леонидом (Молчановым) советской власти <...> принимая во внимание, что настоятель сам сознается в непризнании власти <...> и упорно отказывается исполнить просьбу городского исполкома, за нанесение оскорбления учреждению, кроме того, Леонид (Молчанов) открыто агитировал с амвона против советской власти, а потому расстрелять».

Все началось с требования Сольвычегодского исполкома составить в двухнедельный срок в трех экземплярах инвентарную опись храма и принадлежащего ему имущества, предназначенного для богослужебных и обрядовых целей, опись прочего церковного имущества – домов, земель, свечных заводов тому подобных доходных имуществ, в чем бы они не заключались, описи церковных капиталов и метрические книги за все годы, что хранятся в церкви. Требование это возникло после того, как еще в январе восемнадцатого года советская власть издала декрет об отделении церкви от государства. По этому декрету все церковное имущество объявлялось народным достоянием и переходило в руки советской власти. Сольвычегодские власти толком и не знали о том, какое имущество принадлежало Введенскому монастырю, а потому запросили у игумена его опись. Поначалу о. Леонид не отвечал на запрос и просто тянул время, надеясь, что новая власть долго не продержится, и его можно было понять, учитывая обстановку на фронтах к осени восемнадцатого года, но когда посыльный из исполкома в третий раз принес требование составить опись церковного имущества, ответил письмом: «Богоотступникам и врагам Церкви Христовой, опомнитесь осатанелые, сами пишете, что церковь отделена, так не дерзайте касаться Священного, вам мало того, осатанелые, что грабите и убиваете невинных людей, еще восстаете против самого Бога, закон Божий изгоняете, святые иконы из школы и дома, которые вы заняли, выносите. Вы забыли, проклятые, что вы дети христиан, вас малолетних по обряду христианскому приносили и приводили в Святую

Церковь, приобщали Святых Христовых Тайн. Я ожидал вашего покаяния и исправления, а вы восстаете на большее зло. Помните мои слова, еще не перестанете разорять Церковь Христову, то скоро вас Господь накажет. Я признаю над собой начальство духовное Патриарха и епископов православных, а вам не подчиняюсь, богоотступникам, врагам Христа моего, и декрета вашего не признаю».

Получив такой ответ, сольвычегодские власти обратились к местным чекистам, которые немедленно вызвали о. Леонида на допрос, на котором игумен Введенского монастыря не только повторил свои слова о непризнании декретов советской власти, но и сознался в том, что выступал в церкви с проповедями против нее. Уже на следующий день после допроса Сольвычегодская ЧК, рассмотрев дело о. Леонида, вынесла расстрельный приговор. Губернская ЧК этот приговор утвердила и постановила, чтобы он был приведен в исполнение немедленно, что и было сделано рано утром тринадцатого ноября.

Расстрел игумена Введенского монастыря был не единственным случаем расстрела священнослужителя в Сольвычегодском уезде. Уже упоминавшаяся газета «Голос бедняка» писала в июне восемнадцатого года: «Северо-Двинский Революционный трибунал в открытом судебном заседании в городе Сольвычегодске 2 июня 1919 года <...> рассмотрев дело о священниках Александре Голубцове и Авраамии Петропавловском, обвиняемых в контрреволюции, определили: подсудимый Голубцов виновен в том, что в августе месяце 1918 года вел среди населения волости агитацию с целью внести возмущение среди масс, восстановить население против Советской власти, ету<sup>84</sup> агитацию он вел во время исполнения религиозных обрядов, то есть с целью воздействовать на массы во вред Советской власти под влиянием религиозных чувств. Виновен Голубцов в том, что не подчинился законным требованиям агентов Сольвычегодского Упродкома о выдаче излишков скота для армии и призывал население волости не давать скота для Красной Армии с определенной целью принести етим пользу бандам белогвардейцев и етими преступными действиями он восстановил массы деревни против реквизиции скот, внес возмущения в массы и вследствие чего ето возмущение вылилось в открытое выступление крестьян против агентов по реквизиции скота, угрожавших убить агентов, что могло повлечь за собой невинные жертвы. Голубцов своими призывами призывал к открытому выступлению, задавшись определенной целью свержения власти Советов, способствуя приходу белогвардейцев, также нарушил планомерность снабжения продовольствием красных бойцов на фронте, отстаивающих интересы крестьян и рабочих в силу чего в Вилегодского района реквизиция скота была далеко не в целом выполнена. Виновность священника Петропавловского в контрреволюции не установлена. Революционный трибунал приговорил священника Богоявленской церкви, Сольвычегодского уезда Александра Александрова Голубцова подвергнуть высшей мере наказания расстрелять. Священника Богоявленской церкви Авраамия Петропавловского за недостаточностью обвинения по сему делу считать оправданным».

Сольвычегодские власти отделяли церковь от государства и от верующих как могли, используя для этого все доступные им средства. Одним из таких средств стала газета «Голос бедняка», в которой довольно часто печатались материалы, дискредитирующие священников. Прочитируем лишь малую часть из таких публикаций. В январе девятнадцатого года корреспондент «Голоса бедняка» под псевдонимом «Земляк» писал: «Наши Сольвычегодские попы все-таки соблюдают централизм своей власти; о начальстве своем пекутся и подчиняются ему. Они заботятся о своих желудках, но и не забывают желудки своего начальства. Как же, ведь они погибнут, не получая ни откуда дохода. Во всех приходах гор. Сольвычегодска образовались общины верующих граждан. На общих собраниях общин обсуждался вопрос об оплате труда служителям церкви. Решено платить по пятьдесят копеек с каждого верующего члена семьи в месяц. Вот тут-то наши попы и позаботились о желудках своего начальства архи-попов. Они испросили у граждан еще... единовременное пожертвование по сорок копеек с члена семьи архиерейских, то есть на содержание бедных, сирых, убогих толстопузых епископов и т.д.; всей етой преступной

братии. Граждане, конечно, забыв, что у поповского начальства еще не прожито нагребленное ранее добро, не прожиты деньги, получаемые раньше десятками тысяч рублей ежемесячно, с предложением наших попов согласились и вносят единовременные по сорок копеек с человека архиерейских. Очень жаль, что вы, товарищи бедняки, поддаетесь на удочку мракобесов. Подумайте хорошенько – за что вы вносите по сорок копеек? За что? За то, что они архиереи? Для того, чтоб они продолжали жить на ваши деньги, сидеть этим жирным канальям на вашей шее? Не давайте им ничего, пусть зарабатывают сами, если им нечего жрать. Местным попам вы платите за труд, а архипопам-то за что? Подумайте и откажите им в этой помощи».

Еще одна заметка на ту же тему, названная «Поп обжора» от корреспондента под псевдонимом «Свободомыслящий», напечатанная уже в октябре. «Собранием общины верующих Верхне-Уфтыгской Троицкой церкви, постановлено брать с граждан в пользу бати означенного прихода, по четыре фунта хлеба с каждого душевого надела. Всех душевых наделов в приходе более 2350. Следовательно, наш батя получит 235 пудов хлеба. Кроме того, он еще, кажется, получает хлебную норму по 30 фунтов в месяц. Напрасно община верующих так рискует хлебом, не так-то много хлеба на Уфтыге у бедных мужичков. Насколько мне известно, весною сего года в Июне месяце, наши мужички голодали, получая хлеба по два фунта в неделю на человека, а теперь попу хотят вбить в один день это. Seriously ломает батя Верхне-Уфтыгской волости. Следовало бы побеседовать Уфтыгской ячейке с мужичками о грабительской потачке общиной верующих».

Заканчивая разговор об отношениях новой власти к церкви в годы Гражданской войны, приведем два удивительных документа, датированных январем двадцатого года. Документы представляют собой копии протоколов граждан Горковской волости Сольвычегодского уезда о выборе священника в храм Преображения Господня, хранящиеся в архиве Сольвычегодского историко-художественного музея.

«Протокол №1, 1920 года января 7 дня. Мы, нижеподписавшиеся граждане Горковской волости Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии, собравшись в своем храме Преображения Господня и обсудив вопрос о церкви и священнике, постановили: образовать при Мало-Пинежской Спасо-Преображенской церкви свободную, независимую от Патриарха, Архиерея и Епархиального Совета “Общину верующих” и избрали: священником гражданина Якова Яковлева Куклина. Обещаемся содержать нашу Св. церковь и служителей ея, а выбранного пастыря защищать во всех обстоятельствах. Свидетелем нашего обещания ставим Всемогущего Бога. – Председатель. Граждане: (следуют подписи). <...>

Протокол №3, 1920 г. января 25 дня. Мы, нижеподписавшиеся граждане Горковской волости Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии, прихожане Мало-Пинежской Спасо-Преображенской церкви, сего числа в своем храме у службы слушали бумаги, посланные на нашу церковь благочинным, которые при сем прилагаются, и были возмущены такой дерзостью к нашему народу и нами поставленному Священнику. Мы граждане и прихожаня, избрали и поставили служить в нашем храме священника и не признаем никакого Патриарха, Архиерея и Епархиального Совета, нам дорог народный свой священник. Мы защитим его от духовного толстопузого зверя, никто не в праве закрыть наш храм, кроме Советской власти. Как церковь наша есть народное достояние, мы просим Вас, наш дорогой товарищ Владимир Ильич, глава нашей республики, защиты у Вас от этих духовных зверей, которые в лицах Патриархов, Архиереев и прочей своры рассылали послания и проклятия большевикам по церквам, которые попали и в наш приход. Наш же избранный народный священник Яков Яковлевич Куклин стоит за Советскую власть, при богослужении неоднократно молится вслух о здравии Советского правительства, а также и мы прихожане, стоим и стараемся помогать Советской власти всеми силами. У нас ныне фронт, мы возим военные грузы, укрепляем позицию от белых банд. Мы верим в Бога, сотворившего все, и радуемся науке и изобретениям,

процветающим под управлением Советской власти. Нами избранный и поставленный Священник есть бывший нас псаломщик, который служил у нас в приходе 15 лет, и мы хлопотали о его посвящении пред Архиепископом Великоустюжским, даже посылали, чтобы он его посвятил, самого налицо Архиепископу, но не могут же наши Патриархи и Архиепископы, разве им на руку бедные псаломщики: приехал ни с чем наш псаломщик, нынешний Священник народный. И мы решили сами его поставить, а от Патриархов, Архиепископа и прочей своры теперь отрекаемся раз и навсегда. Новый священник нами избранный, служит прекрасно, лучше бывших всех архиерейских ставленников, и мы все им довольны. Просим Вас, дорогой Владимир Ильич! Положите на этом нашем прошении свою властную товарищескую резолюцию в том, чтобы духовные палачи более не беспокоили нашу «Малопинежскую общину верующих», а также и нашего избранного народного Священника Я.Я. Куклина. Чтобы они, ставленники Царские и Архиерейские, к нам более не лезли со своими достоинствами перед Богом. А также просим Вас, Владимир Ильич, возвратить это наше прошение с наложенной Вами резолюцией нам в скором времени. Мы, «Община верующих», будем гордиться Вашей драгоценной резолюцией. Ждем с нетерпением Вашей резолюции. Просим послать по следующему адресу: Верхне-Тоемское п.о. Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии в Горковскую волость Малопинежской Спасо-Преображенской общине верующих. При сем прилагается церковное постановление в копии об избрании Священника Я. Я. Куклина, а также бумаги благочинного. (Следуют подписи)».

### **Дворец Искусств**

Теперь о новостях культуры. Несмотря на войну всех со всеми, голод, расстрелы, продразверстку и разруху, они были. Еще в декабре восемнадцатого года в Сольвычегодске был организован Подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. У этого Подотдела появляется молодой и энергичный заведующий – Илья Иванович Томский<sup>85</sup>, по предложению которого и был создан Подотдел. Всего за год Томский мало того что сумел организовать учет памятников старины в городе и уезде, провести огромную работу по их фотофиксации, организовал перевоз архивов городской управы, духовного правления и казначейства на безопасное хранение в каменное здание, реставрационные работы в Благовещенском и Введенском соборах, так еще и обосновал необходимость создания в Сольвычегодске музея, который был открыт первого мая девятнадцатого года на базе древлехранилища Благовещенского собора. И это при том, что в Сольвычегодске в то время не было ни специалистов по музейному делу, ни искусствоведов. Энергии Томского хватило еще и на то, чтобы написать две брошюры: «Памятку о достопримечательностях гор. Сольвычегодска» и «Синодики Сольвычегодского Благовещенского собора», которые были отпечатаны в местной типографии и продавались в музее всем желающим, устроить выставку картин художников-любителей и фотографий, с целью, как писал сам Томский, «содействовать развитию в массах эстетического чувства» и... тут лучше всего привести фрагмент из отчета Томского о работе Подотдела по музейным делам и охране памятников искусства и старины за девятнадцатый год: «Кроме этого, Подотделом был приглашен техник для обследования через простукивание стен подцерковий собора. Последнее было вызвано распоряжением Уездного Исполнительного Комитета отыскать подземный ход, о котором существуют предания и есть некоторые указания в литературе. Простукивание обнаружило существование замурованных тайников. Один из них частично вскрыт. Он состоит из двух отделений. В нем кроме щебня и мусора ничего не найдено. Подотдел указанную работу вел с необходимой осторожностью, выжидая приезда архитектора-специалиста». Стало быть, не давали спокойно спать строгановские сокровища уездному исполкому.

Нужно признать, что культурная жизнь в Сольвычегодске и даже в уезде в первые годы советской власти была ключом – спектакли, концерты, живые газеты, лекции... Одних

только театральных секций в Сольвычегодске было семь – при уездном отделе народного образования, при клубе Красной Армии, при клубе моряков, при городской организации РКСМ, при уездном бюро профсоюзов, при школе второй ступени и даже при местном почтовом отделении. И это не считая любительских театральных кружков в волостях. Конечно, в этих кружках и секциях, как правило, не было профессиональных режиссеров, да и откуда им взяться в такой глуши, катастрофически не хватало декораций, грима, костюмов, париков, и все же... «Спектакль устраивался местными молодыми товарищами д. Метлино. Среди их было несколько мальчиков-учеников. Поставлены были весьма курьезные вещицы собственного произведения играющих, которые очень интересовали присутствующих граждан деревни Метлино и из окрестных деревень. Большинство зрителей составляли женщины и дети, было несколько старушек. Как-то радостно было при виде такой картины, когда маленькие детишки, женщины-старушки и молодые девицы с большим вниманием относились к разумному развлечению. Главное несмотря на то, что была страшная теснота в помещении, порядок был образцовый, ни шуму, ни спору. Все внимание присутствующих было устремлено на сцену. Спектакль устраивался в простой крестьянской избе, немного декорированной. На играющих были гримы. Все это изготовлено ими же. Радостно, весело делается при виде брата крестьянина, недавно бывшего забитым, униженным, к самообразованию, самопросвещению, когда видишь своего темного брата крестьянина, стремящегося к свету. Заметно, как изменилась деревня за это очень короткое время, за год революционной борьбы, у нас на севере. Вспомним этот день 7 января хотя бы прошлого 1917 года. Совсем тогда было иное. В прошлом году в сегодняшний день, как мне помнится, молодые люди деревни Метлино с утра занялись карточной игрой на деньги, даже дети играли и так продолжалось ежедневно, чуть ли не до половины января. Теперь же, как мы видим, товарищи метлинцы решили провести праздник совершенно иначе. На спектакле я узнал, что тов. Метлинскими актерами будет устроено несколько таких спектаклей – завтра, послезавтра и т.д. Приветствую Вас товарищи актеры Метлинцы, инициаторы этого великого святого дела. Желаю Вам продолжать это великое дело с успехом».

Еще одна заметка из «Голоса бедняка» под названием «На пути к свету и знаниям», но уже за январь девятнадцатого года: «Благодаря энергии и работе культурно-просветительных сил начинают просыпаться темные народные массы в самых отдаленных уголках нашей страны и охотно идут к свету и знанию. Этот луч света проник и к нам в Верхотальскую волость. Сегодня 30 марта сего года в ней открытие Народного дома имени Розы Люксембург. <...> Был устроен митинг, на котором выступали с речами представители от волостного исполкома, культурно-просветительного общества и от учащихся. Много говорили о пользе народного дома и о текущем моменте. Когда выяснилась печальная жизнь Розы Люксембург, то на лицах всех присутствующих была непритворная грусть. Заключительные слова о смерти Розы Люксембург вызвали вставание всех и пение похоронного марша. Во время митинга был пропет “Интернационал”». После митинга местной интеллигенцией была поставлена пьеска «Дорогой поцелуй». Как митингом, так и спектаклем посетители были очень довольны, что было видно из того, что за все это время соблюдался порядок и тишина, а уходя из Народного дома изъявляли желание почаще бывать на таких митингах и спектаклях»<sup>86</sup>.

В самом Сольвычегодске в середине декабря восемнадцатого года Внешкольным отделением Сольвычегодского уездного отдела просвещения был устроен тургеневский вечер, половина дохода от продажи билетов на который пошла на Тургеневские пособия нуждающимся учащимся, а вторая половина – книжному магазину «Просвещение» на приобретение сочинений Тургенева для Сольвычегодской Советской Публичной Библиотеки, библиотеки реального училища и гимназии. Конечно, пройди такой вечер в Великом Устюге, а тем более в Вологде, может никто и не заметил бы, но Сольвычегодск не Великий Устюг и, тем более, не Вологда. В нем ни тургеневских вечеров, ни книжного магазина «Просвещение», да и вообще книжного магазина до той поры не было вовсе<sup>87</sup>.



Не забывали сольвычегодские власти и о монументальной пропаганде. В августе двадцатого года в газете «Голос бедняка», которую к тому времени переименовали в «Борьбу и труд», было напечатано следующее объявление: «Обязательный субботник. Президиум Уездисполкома и Укомтруд обязывают всех граждан и Советские учреждения города Сольвычегодска, имеющих лошадей, прибыть на дрогах с коробами 23 августа (понедельник) к 7 часам вечера на сборный пункт к пожарному двору для подвозки строительных материалов для постройки памятников – бюстов Карлу Марксу и Ленину. Распорядителями субботника назначаются: т.т. Нефедьев, Плешков и Субботин Н.П. Уклонившиеся от субботника будут привлечены для принудительных работ в течение трех дней. Председатель Уездисполкома А. Горбунов Председатель Укомтруда Нефедьев Член-секретарь Тимофеев». Уклонившихся не жаловали, что и говорить. Да и как уклоняться в таком маленьком городе. Потом, когда памятник построили, к нему стали приходить козы, коровы, лошади и пастись внутри ограды, потом ограда повалилась, потом стали искать кого бы назначить ответственным за поддержание порядка возле памятника и уборку мусора рядом с ним, потом написали фельетон на эту тему в городскую газету...

В конце февраля двадцать первого года в Сольвычегодске, в здании бывших присутственных мест открылся Дворец Искусств. Открытию предшествовал ремонт изрядно обветшавшего здания, в котором раньше помещалась тюрьма. По поводу открытия Дворца искусств газета «Борьба и труд» писала: «Хочется верить, что “Дворец Искусств” будет отвечать своему названию и по внутреннему идейному значению. Он построит в умах и сердцах, посещающих его, дворцы мысли, дворцы красоты... И с гордостью можно будет сказать: Сольвычегодск, имеющий первоклассный музей, сохраняющий первоклассные памятники старинного искусства, обогатился еще одним культурным, облагораживающим центром. Пусть доказательством правильности предпринятого начинания будет общая благодарность, общий подъем, с которым ожидается торжественный день открытия “Дворца Искусств”. Пусть же это будет и наградой для всех потрудившихся на субботниках, ремонтных и иных работах по созданию “Дворца Искусств”». Само собой, в номере газеты, посвященном открытию, было большими буквами напечатано: «Открытием Дворца Искусств мы обязаны славной Комм. Партии, совершившей Октябрьскую революцию и открывшей трудящимся широкие двери в царство науки и искусства. Сегодня Сольвычегодск справляет великое торжество – открытие “Дворца Искусств”, этого очага пролетарской культуры, научных и политических знаний и разумных духовных наслаждений. Честь и слава труженикам<sup>88</sup>, приложившим все свои силы и способности на создание могучего культурного центра!».

Прочитируем часть речи, которую в самом начале торжества произнес председатель уездного исполкома Горбунов: «Этот седой великан является свидетелем прошлого. Перед ним прошли столетия. <...> Он видел, как трудовой народ своим трудом, доходящим до кровавого пота, ложил кирпич за кирпичем, возводя это здание. А для кого и для чего служило тогда это здание? Стены его служили только для пыток, только для страданий и несли они только кандалы для трудового народа. Эти стены видели и полицейщину, и жандармерию, и тюремщину. <...> Эти стены были свидетелями того, как вошел сюда в Октябре семнадцатого года трудовой народ, сбросивший оковы рабства. <...> Другой жизнью зажило тогда это здание. В стенах его находили приют красные бойцы, вооруженные винтовками, защитники великих завоеваний трудового народа. Когда трудовой народ победил своего классового врага на фронте огня, когда настало затишье, сюда вошли новые бойцы, бойцы, вооруженные топором, молотком и киркой. <...> Открытие Дворца – начало мирного строительства. С этого дня перед нами расстилается широкая и светлая дорога к светочам науки и искусства». В программе торжественного открытия «Дворца Искусств» значились спектакли «Потонувший колокол» Гауптмана, драма из эпохи Революции 1905 года «Его шаги» Юрьина и несколько концертов. Во дворце искусств по решению городских властей разместились городская театр, народная библиотека, клуб профсоюзов, кинематограф и, в одном из флигелей, музей, а в музее

картинная галерея, в которую из Государственного музейного фонда поступило около пятидесяти полотен известных русских художников девятнадцатого и двадцатого веков – Шишкина, Репина, Айвазовского, Бенуа, Кончаловского, Лентулова и других.

Буквально через две недели после открытия во Дворце Искусств прошло празднование, как тогда его называли, международного дня работницы 8 марта. С часу дня все женщин освободили от работы в городских учреждениях, и они, вместе с крестьянками из близлежащих деревень, направились в Дворец Искусств. Для собравшихся, а их было пятьсот человек, был прочитан праздничный номер живой газеты-митинга, посвященный женскому движению. После газеты-митинга женщины получили талоны на обед и чай в общественную столовую, а также билеты на вечерний концерт<sup>89</sup>.

### **Население требует хлеба**

Талоны на обед и чай в феврале двадцать первого года на четвертый год Гражданской войны были не просто хорошим, а очень хорошим подарком. Ситуация с продовольствием в городе и уезде уже не первый год была крайне тяжелой. Еще в июле восемнадцатого года в сводке ВЧК по Беломорскому военному округу было написано: «В Сольвычегодске (Вологодской губ.) настроение тревожное, вследствие голода. Идет агитация кулаков против Советской власти». На следующий год положение лучше не стало. В уезде отсутствие хлеба накалило обстановку до предела. В Нижнетоемской волости беднейшее крестьянство летом восемнадцатого года употребляло в пищу мох и древесину с примесью хлеба. В Метлинской волости голод обострил отношения между деревенской беднотой и зажиточными крестьянами. В январе девятнадцатого года «Голос бедняка» писал: «Бедняки Метлинцы, сбросьте с себя паутину, которой вас опутали кулачье, не верьте их преступным словам. Они вас ведут к верной гибели. Не забывайте товарищи те бедствия и лишения, которые вы перенесли весной 1918 года из-за недостатка продовольствия, когда вы сидели голодом, не имея средств купить у кулака по бешеным ценам хлеба, который издеваясь над нами, смеясь, продавал хлеб по цене до двухсот рублей за пуд, набивая деньгами толстые карманы. <...> Немедленно товарищи проверьте хлеб, возьмите излишки от имущих, поставив их на норму тридцать фунтов, тогда вы будете обеспечены на более продолжительное время, в течение которого будем надеяться на получение хлеба из тех областей, которые наша доблестная красная армия отвоевывает от наших врагов».

В протоколах заседаний второй уездной Сольвычегодской конференции РКП(б), созванной в середине июня девятнадцатого года, можно прочесть о том, что в Николаевской волости «Население требует хлеба. Можно ожидать голодного бунта»; в Афанасьевской волости «Продовольственное положение критическое. Начались голодные волнения. Но удалось граждан уговорить и пока положение волости спокойное. Половина полей не засеяно за неимением семян»; В Черевковской волости «Продовольствия в волости хватит только до 23 июня». На этой конференции было принято решение направить в ЦК РКП(б) и Совнарком телеграмму: «2-я уездная конференция РКП(б) констатирует катастрофическое положение в деле продовольствия. <...> Конференция обращается к Центральному Комитету партии и Совету Народных Комиссаров и заявляет, что, если не будет оказана немедленно продовольственная помощь, уездная конференция слагает с себя всякую ответственность за дальнейшее, так как мы стоим перед фактом массового восстания». Нужно сказать, что и сами власти приближали эти восстания как могли – например, продразверсткой<sup>90</sup>, которая забирала не только излишки, которых было кот наплакал, но и семенное зерно, и даже хлеб, предназначенный для пропитания.

В селе Черевково весной девятнадцатого года местные власти решили произвести подворный учет хлеба и засыпать необходимую часть зерна в общие амбары для сева, а потом выдать его нуждающимся – бедноте и семьям красноармейцев. В первый раз попытка учета не удалась – крестьяне просто не подпускали продотряд к своим запасам. Второй раз,

15 мая, все кончилось тем, что несколько членов учетной комиссии были избиты. В ответ волостное начальство арестовало наиболее активно сопротивлявшихся учету крестьян. На коллективное прошение освободить арестованных власти не ответили. Секретарь Черевковской партячейки, мягко говоря, испугался и отбил в Сольвычегодск телеграмму: «Сегодня при отчуждении семян население сделало открытое нападение на некоторых коммунистов, тяжело изранив. Остальные в опасности. Положение критическое, необходима помощь. Секретарь ячейки Зайков». На следующее утро толпа возбужденных крестьян под белым флагом двинулась к дому волостного исполкома, чтобы вновь заявить о своих требованиях. На подходе к исполкому их встретили красноармейцы расквартированной в селе гаубичной батареи, местная милиция и вооруженные члены партячейки.

Переговоров между крестьянами и властями не получилось. Работника волысполкома, подъехавшего к крестьянам верхом, чтобы уговорить их разойтись, едва не убили камнями. Крестьяне расходиться не желали. После предупредительного залпа в воздух был открыт огонь по толпе. Пять человек было убито, несколько ранено и восемнадцать арестовано. 17 мая в Черевково прибыл из Котласа карательный отряд из полутора сотен моряков, вооруженных четырьмя пулеметами. Как только стало ясно, что черевковские власти серьезно преувеличили все, что можно было преувеличить, в Котлас и в Вологду были отправлены телеграммы: «В Черевкове спокойно. Положение было преувеличено местными органами. Происходили кулацкие волнения против проддекрета. Причем беднота спровоцирована нелепыми слухами и привлечена угрозами кулаков. Была стычка. Убитых 5 крестьян. 2 члена исполкома тяжело избиты и несколько крестьян легко ранено. Много арестованных, аресты продолжаются. Ведется следствие. Дело взято в руки фронтовой экспедиции. Белогвардейской конспирации не чувствуется. Приступаем к агитации». Арестованные зачинщики были на пароходе вывезены в Котлас, где троих из них, признанных организаторами восстания, которого, в сущности, не было, расстреляли. Уездные власти этот инцидент надолго запомнили и при распределении хлеба для нуждающихся, поступившего из центра в уезд через два месяца, Черевковской волости не дали ничего. Как писал тогда же о Черевковской волости военком Северодвинской военной флотилии Эрнест Батис: «бывшее осиное гнездо купцов и всевозможного рода спекулянтов, уголок богатеев-крестьян, недаром называемый второй Украиной».

У горожан амбаров с зерном не было, а хлеб и другие продукты они получали по карточкам. Есть им хотелось не меньше, чем крестьянам, а потому они, пользуясь временным приездом или выездом родственников или знакомых, продолжали получать их паек. Те, кто получал по талонам обеды в общественной столовой и имел на руках продуктовые карточки, норовили получать продукты наравне с теми, кто в общественной столовой не обедал. Советские служащие, уезжая в отпуск или продолжительные командировки, продовольственные карточки в уездный продовольственный комитет и не думали сдавать, а оставляли их домашним для отоваривания. Обо всех этих хитростях уездный комиссар продовольствия, конечно, знал и через газету пытался усовестить граждан города Сольвычегодска: «Упродком, напоминая таким товарищам о гражданском долге объявляет, что все замеченные в означенном злоупотреблении понесут строгое наказание, усугубленное страданием тех товарищей, которых они обрекают на голодную смерть, съедая их паек; вместе с тем обращается с горячим призывом к гражданам города прийти на помощь Упродкому в этом серьезном деле, заявляя все известные факты означенных злоупотреблений».

О том насколько серьезной была ситуация с хлебом, говорит объявление, данное в городской газете в начале декабря девятнадцатого года уездным продовольственным комиссаром Незнамовым: «В последнее время на имя Упродкома поступила небольшая партия хлеба, пахнувшая керосином. Ввиду полного отсутствия хлеба, кроме указанной партии, Упродком вынужден пустить к выпечке эту муку. Во избежание всяких кривотолков об этом объявляется для сведения городского населения».

Ничуть не лучше дела с мукой обстояли в уезде. К примеру, в Великосельской волости, как писала сольвычегодская газета, «Работникам просвещения и их детям дается на продовольствие мука: на зубах трещит, горькая, с отрубями, с мусором, с землей, с песком. Есть хлеб невозможно. Члены семьи Окуловской школы все переболели от этого хлеба. Неужели учителя у великосельцев не заслужили лучшей доли? За что же они отдают народу свой тяжелый труд? Неужели заправили Великосельского кооператива питаются тем же хлебом? Вероятно, нет. Так не роите же преждевременную могилу людям, отдающим свою жизнь вам и вашим детям».

К печеному хлебу претензий было не меньше, чем к муке. В двадцать первом году в Сольвычегодске выпекало хлеб потребительское общество «Эконом». Выпекало, надо сказать из рук вон плохо. Сольвычегодцы жаловались на качество этого хлеба в газету. «Вот уже два месяца скоро как потребительское общество “Эконом” кормит граждан города Сольвычегодска затхлым хлебом, от которого даже свиньи ворочат морду. Конечно, у “Эконома”, как всегда, найдется в свое оправдание “масса уважительных” причин, мешавших ему кормить граждан доброкачественным хлебом, но можно ли потребителям “Эконом” прощать такую бесхозяйственность безнаказанно? Например, 14 сентября выдавали такой детский хлеб, что если и взрослый человек поест, то и тот “впадает в детство” и вспомнит мать родную. Ну настоящий “вяземский пряник”. Только если этим пряником покормить заправил Эконома, то им бы не поздоровилось – и желудок подвело бы и кишечник свернуло. Бедные детки Сольвычегодска!»

Городские власти, когда не могли помочь хлебом, окормляли сольвычегодцев через газету ценными советами. Например, такими: «Граждане! Разводите овощи: в них ваше спасение от голода. Овощи – хлебу замена. Овощи – наиболее здоровая, легкоусвояемая пища. Овощи важны как “Харч”, разнообразя наш скудный в голодное время стол. Овощи могут дать и большой доход. Овощи – требуют наиболее легкого приятного труда. Граждане, разводите овощи. Сольвычегодский Уземотдел». Ситуация осложнялась недосевами – крестьяне, справедливо полагая, что советская власть заберет у них все излишки хлеба, как только они соберут урожай, не хотели засеивать больше того, что нужно для пропитания. Власть тоже не дремала – проводила учет незасеянных земель, составляла списки всех недосевищиков и угрожала лишить прав получения всех видов товаров, продуктов и продовольственных пайков не только их лично, но и деревни, в которых они проживают.

В этих условиях особенно тяжелой была ситуация с детским питанием. Для того, чтобы ее хотя бы как-то поправить, в ноябре двадцатого года в Сольвычегодске устроили Неделю ребенка. Уездная тройка по проведению этой Недели обратилась к сольвычегодцам через газету с воззванием: «Товарищи и Граждане! <...> Удовлетворить детей предметами первой необходимости – питанием в достаточном количестве, одеждой, обувью и проч. из скудных запасов Республики власть не в состоянии, а потому Советом Народных Комиссаров 12-го октября 1920 года издан особый декрет о “Неделе ребенка”. В эту неделю, которая в Сольвычегодском уезде назначена с 12 по 20-ое декабря все граждане должны прийти на помощь голодающим детям.

Родители и воспитатели! <...> Если мы посмотрим в школу, в детский сад, детский дом, то увидим ряд маленьких людишек, страдающих малокровием, рахитом, и проч. болезнями. Невольно встает вопрос, что же повлияло на них? Где та резвость, которая замечалась раньше? Ответ прост: “накормите досыта, и мы опять будем жизнерадостны”. Товарищи крестьяне! Вы можете в этом отношении принести громадную помощь, дав из своих, хотя и скудных запасов, часть для ваших же детей. Припомним же здесь пословицу “С миру по нитке – голому рубаха”. Каждый фунт муки, каждая горсть крупы, каждый аршин холста слишком дороги в настоящий момент. <...> Каждая мать, отправляя свое дитя в школу или детский сад, пусть помнит, что там его накормят.

Дорогие дети! Вы, посещая школу, составляйте в ней одну общую дружную семью. Вы видите, что одни из вас приносят в класс хлеб, молоко, а другие не имеют этого. Такая

разница приносит в вашу жизнь разлад, зависть, а чтобы этого не было, просите своих родителей обеспечить вас всем необходимым для варки горячей пищи, которую и будете употреблять, как дети одной семьи, как равные между собою.

Товарищи! Производя этот сбор, мы помним, что многие из вас сами не имеют лишних запасов, но мы говорим “пусть мы не доедим, а наши дети будут сыты и здоровы”. На отсутствие обуви и одежды тоже необходимо обратить внимание и, если есть у вас излишки – дайте раздетому, разутому ребенку и вы увидите, что, почувствовав тепло, он сразу улыбнется – и вот вам самая щедрая награда за подарок. Будьте сознательные и честны в эту неделю, и вы сделаете великое дело для человечества! Помогите ребенку – в нем наше счастье и ему принадлежит великое будущее».

Граждане откликнулись на призыв помочь детям и за неделю собрали хлеба полтора пуда, картофеля около пятнадцати пудов, сахар (песок и рафинад) три фунта, яиц два десятка, спичек двадцать пять коробок, пшеницы один пуд, несколько пар детского белья и других мелких пожертвований. Устроили денежную подписку по советским учреждениям, бесплатно шили детское белье и одежду.

### **Новая Сухаревка**

Среди всего того, чего не хватало для пропитания жителям города и уезда, была обычная поваренная соль, которую в этих краях добывали с незапамятных времен. Казалось бы, уж соль-то... Конечно, соляные источники с тех незапамятных времен поистощились, но какое-то количество все же можно было добыть, чтобы обеспечить жителей города и уезда солью, пусть и в небольших количествах. Сольвычегодский Совнархоз летом двадцатого года подготовил проект небольшого соляного завода по технологии, которую использовали еще во времена Строгановых. Дело было за малым – построить и запустить, но оказалось, что нет стройматериалов, и проект заглох. В конце концов через год завод кустарного типа был построен, но пока его строили...

Стройматериалов не было только у Совнархоза, а у жителей города они были. То есть у них этих материалов тоже сначала не было, а потом они довольно быстро появились. Тем способом, которым часто появлялись стройматериалы у советских граждан – кто-то отодрал железный лист с кладбищенской ограды и сделал из него противень для варки соли, кто-то вытащил кирпичи, приготовленные для фундамента строящегося моста, и сложил из них печки, дрова... кто их будет в лесу считать. Таким образом в Сольвычегодске были построены и стали варить соль более десятка солеварен. Добываемой соли хватало не только для собственных нужд, но и для торговли или, как тогда говорили, спекуляции.

В деревне Тимошино Тимошинской волости дело зашло еще дальше. Тут лучше не пересказывать своими словами, а процитировать полностью заметку в газете: «В Тимошинской волости открыта новая Сухаревка. В верстах семи от села Тимошино есть селение Солоново, где имеется соленое озеро. Население этого селения и соседних с ним волостей занялось вываркой соли, первоначально для своих потребностей. Когда это увидели более юркие и пронырливые людишки-спекулянты разных мастей, то тоже занялись солеварением и не только своим трудом, но и наемным. Достали листового железа, наделали противней для варки соли и отдают их желающим заняться солеварением, за что получают по 12–15 фунтов соли в сутки, а то и женщину или мужчину пригласят сидеть у противней за что дают пять фунтов соли. Так как дрова около озера уже пережгли, и приходится возить их на лошади, спекулянты находят и лошадку, и рубщика, и возчика, и уплачивают им солью за приготовленный куб дров. Некоторые из несознательных граждан предпочитают заняться солеварением, чем выполнять трудовинность. В результате Солоново превратилось во вторую Сухаревку. Тут можно слушать разные нарекания на РКП и власть рабочих и крестьян. Тут же ведется полная спекуляция солью, хлебом, который провозят пудами, кожей, сапогами и проч., и проч. предметами. Необходимо бы спекуляцию урезать и искоренить трутней».

Уездный исполком без внимания эти призывы не оставил – запретил солеварение в Сольвычегодске частными лицами. Всех не подчинившихся запрету солеваров милиция переписала и списки направила уездный совнархоз для принудительного привлечения к общественным работам.

В скобках заметим, что питательная среда солеварения порождала строгановых – пусть не таких крупных, как тогда, когда соли в источниках было больше, пусть мелких, пусть не таких зубастых и размашистых, но порождала каждый день. Откуда же среде было знать, что новорожденных будут принимать в свои цепкие руки исполком и милиция...

### **Последнее предупреждение**

Кроме урезания спекуляции и искоренения трутней уездным властям приходилось бороться с дезертирами, которых за годы Гражданской войны развелось в городе и уезде немалое количество. Была организована уездная комиссия по борьбе с дезертирством. В июне девятнадцатого года комиссия постановила: назначить семидневный срок добровольной явки дезертиров с 26 июня по 2 июля сего года. В назначенный выше срок все укрывающиеся дезертиры, лица, уклоняющиеся от мобилизации и лица, просрочившиеся после кратковременных отпусков, должны явиться в город Сольвычегодск в Комиссию по борьбе с дезертирством при Уездном военном Комиссариате, имея при себе удостоверение личности или другой соответствующий документ, для назначения и отправления в части войск. Все добровольно явившиеся в назначенное время будут освобождены от суда и наказания. Все же неявившиеся в течение указанного семидневного срока считаются врагами и предателями Трудового Народа и подлежат высшей мере наказания вплоть до расстрела. «Голос бедняка» обращался к крестьянам и дезертирам: «Товарищи-Крестьяне! Не укрывайте дезертиров, строго помните, что дезертир несет вам барщину и рабские цепи. Дезертир! Знаешь ли ты, что эта неделя явки дезертиров. Вернись и ты искупишь свою вину перед революцией». Красноармейцы сольвычегодской караульной роты, собравшись на митинг по борьбе с дезертирством и разгильдяйством приняли резолюцию, в которой слали «проклятия дезертирам, которые позорно и бессознательно бегут из наших рядов» и обещали «бороться всеми силами, чтобы подобных случаев не было среди нас».

Правду говоря, призывы эти действовали плохо. Особенно в таких глухих местах, как Сольвычегодский уезд. В конце ноября того же года сольвычегодская уездная комиссия по борьбе с дезертирством снова обратилась с призывом к дезертирам: «К Вам малодушные, к Вам не прозревшие, к Вам вольные и невольные предатели свободы, себя и своих детей, направлен этот призыв. Рабоче-Крестьянское Правительство еще раз дает возможность всем уклонившимся от службы в Красной Армии до 8 ноября 1919 года, которые явятся добровольно до 15 декабря сего 1919 года, будут освобождены от наказания согласно постановления ВЦИК об амнистии. Уездная Комиссия по борьбе с дезертирством предупреждает, что это последнее предупреждение и что шкурникам и предателям, уклонившимся от добровольной явки пощады не будет. Слушай дезертир и опомнись – сними с себя позорное пятно, спеши же явиться в Уездную Комиссию по борьбе с дезертирством до 15 декабря сего года тебе все прощается, помоги же своему товарищу в деле освобождения трудящихся, он ждет тебя и твоей помощи, хотя на шапочном разборе, в последнем издыхании белых банд, которым не сегодня завтра будет конец существования, если ты поможешь, ты дезертир себя и других от тяжелой жизни. Дезертир, если ты этого не хочешь, так шкурник ты и предатель своего брата, так смертью же тебя сметет с лица земли Революционная рука Трудового народа».

За укрывательство дезертиров стали наказывать денежными штрафами. К примеру, в апреле двадцатого года уездной комиссией по борьбе с дезертирством оштрафованы крестьяне Селянской волости деревни Фоминской Иван Захаров за укрывательство сына-дезертира на тысячу рублей, Дмитрий Попов за укрывательство сына-дезертира на тысячу

рублей, Степан Попов за укрывательства брата-дезертира и других на тысячу рублей, деревни Ипатовской Василий Соловьев за укрывательство сына-дезертира на триста рублей условно, при повторении укрывательства у вышеозначенных лиц будет конфисковано имущество. Деньги взысканы и внесены в депозит казны. У семьи дезертира Михаила Сысоева Дмитриевской волости деревни Назаровской конфисковано две коровы, у семьи дезертира Василия Бурчалова, Белослудской волости деревни Сенькинской конфискована лошадь, у семьи дезертира Суворова Ильинско-Подомской волости условно на три месяца конфискована корова. Денежные штрафы могли налагать на целые села и даже волости, уличенные в укрывательстве дезертиров, а на членов семей дезертиров налагали повинности по общественным работам и заставляли выполнять урочные работы в хозяйствах красноармейцев.

К дезертирам приравнивались уклонисты, которые встречались даже среди членов городской организации РКП(б). «Голос бедняка» весной девятнадцатого года писал: «Приходится отметить очень печальный факт, имевший место в нашей городской организации РКП (б). Высшей партийной организацией была объявлена мобилизация коммунистов и сочувствующих и на общем собрании городской организации для отправки на фронт от группы сочувствующих был избран служащий военкома Ядрихинский, который не замедлил подать заявление об исключении его из группы, а также некоторые члены партии как-то служащий отдела здравоохранения Куделин и служащий военкома Мильков, видя ту тяжелую ответственность, которую должен выполнить всякий коммунист, забыли данные обещания бороться за великие идеи коммунизма, подали заявления об исключении их из партии, то есть, боясь за свою собственную шкуру, зная, что будучи мобилизованы, им придется лишиться всех тех удобств, при которых они находятся в настоящее время. Примазываясь в наши ряды, эти чистенькие, аккуратненькие коммунистики думали, что коммунистом с партийным билетом быть очень выгодно – можно будет сделать для себя хорошую карьеру, материальную выгоду и удобства. Все эти господа с мещанскими взглядами вредили нам своим преступным присутствием в наших рядах, забывая, что членский билет коммуниста возлагает тяжелые, неприятные для мещанского благополучия обязанности. Не может быть места таким трусам и карьеристам среди нашей пролетарской семьи, а также не может быть им места в Советских учреждениях, такие паразиты не могут быть полезными работниками для рабочих и крестьян они только высиживают часы и дожидаются 15 и 30 числа, чтобы получить ни за что народные деньги. Заканчивая заметку, скажу вам низменные людишки, что партия учла ваши подлые замыслы и предала вас суровому партийному суду, от которого вам пощады не будет»<sup>91</sup>.

### **Петроградская парикмахерская**

Все же новый советский быт в Сольвычегодске начал налаживаться. В январе девятнадцатого года в городе был объявлен набор служащих в учреждения – требовались секретари-производители, их помощники, бухгалтеры, счетоводы, машинистки и опытные писцы. Желающие занять ту или иную должность подавали заявления в Совет Союза служащих советских учреждений Сольвычегодска и уезда. В помещении бывшей гимназии Хамина открылся детский сад. Для горожан и соседних с городом деревень уездный продовольственный комитет организовал обувную мастерскую. Вслед за этой мастерской открыли еще три сапожных и одну портняжную. Купить новую, фабрично изготовленную обувь в Сольвычегодске и в уезде было почти невозможно. С починкой старой дело обстояло еще хуже, чем с покупкой новой – действующие сапожные мастерские постоянно чинили обувь красноармейцев, а на гражданское население не было ни времени, ни материалов. Власти при отделении Утилизации уездного Совнархоза организовали починочную сапожную мастерскую для населения города и уезда, в которую набрали полтора десятка сапожников. Работал построенный уже при новой власти гончарный завод, выпускавший глиняную посуду, распределявшуюся по больницам, школам и приютам. Правда, продукции

он выдавал то много, то мало, поскольку постоянных рабочих у завода не было и все делалось рукам трудмобилизованных. Образцы этой простой и немудрящей посуды – тарелка, чашка, солонка, кувшин – чудом сохранились и находятся в Сольвычегодском историко-художественном музее. Не кузнецовский фарфор, конечно, но уже и не керамика времен раннего неолита.

В городе работали три клуба – клуб Красной армии имени Троцкого<sup>92</sup>, клуб моряков имени Зиновьева и клуб коммунистов имени Ленина<sup>93</sup>. Работала часовая мастерская, фотографическое ателье и ателье по пошиву шапок. Вот только часовщик и фотограф за деньги фотографировать и чинить часы отказывались – требовали натуральную оплату продуктами. Оно и понятно – продукты тогда и за деньги купить было сложно. С фотографией было еще сложнее. Денег фотографу не полагалось. Фотографическое ателье было национализировано и находилось в ведении отдела народного образования, который выдавал удостоверения на производство работ, но... получив такое удостоверение, фотограф сообщал клиенту, что материалов у него нет, а за продукты... есть. Когда в Сольвычегодске открылась «Петроградская парикмахерская», то в ней работали, как писала местная газета: «два брата Бебяковы, освобожденные, вероятно, от других трудповинностей. Цены на стрижку и бритье растут с быстротой молнии: сегодня сто рублей, завтра двести, через два дня дошло до пятисот, а частенько братцы требуют уплаты натурой. Получая жалованье две-три тысячи рублей в месяц, бриться и стричься, пожалуй, отдумаешь. Удивляюсь, как до сих пор не установят таксу на их работу. Ведь этак братья скоро превратятся в самых крупных буржуев. Посетитель Б».

Прежде чем перейти к уголовной хронике Сольвычегодска и уезда времен Гражданской войны, скажем о событиях политической жизни города. В октябре девятнадцатого года уездным комитетом партии была инициативная группа по организации в городе и уезде союза коммунистической молодежи. Возглавляли эту группу члены партии Иван Бунаков, Михаил Клыпин и Феодосий Тюкавин. Через полгода в клубе Коммунистов собрался Первый уездный съезд сольвычегодского комсомола<sup>94</sup>. Съезд избрал председателем Сольвычегодского комитета комсомола Феодосия Тюкавина, который выполнял председательские обязанности до конца двадцатого года. В двадцать первом году в уезде уже работали девятнадцать комсомольских организаций. Правда, на Втором сольвычегодском уездном съезде РКСМ работу уездного комитета комсомола критиковали самым беспощадным образом: «Работа Коммунистического Союза молодежи в Сольвычегодском уезде весьма и весьма слаба. <...> Доклады с мест выявили слабую работу организации, вследствие отсутствия связи и помощи от укома и организации РКП(б). Неработоспособность укома объясняется совершенным отсутствием в нем работников. Всего в укове в последнее время находился только один член. Вследствие этого укомом не сделано ничего существенного. Из мелких его работ можно назвать созыв двух райконференций, проведение дня сбора интернационала и др. Съезд показал слабость работ по уезду, ощущающуюся вследствие отсутствия всякой связи с укомом, выразил уверенность, что при поддержке Губкома работа во всех организациях встанет на должную высоту».

Теперь об уголовной хронике. К обычным делам вроде растрат, краж, мордобоев и даже убийств прибавились невиданные до сих пор дела. Осенью девятнадцатого года выездная сессия Северо-Двинского Революционного Трибунала в Сольвычегодске рассмотрела дело заведующего лесными заготовками Тропина, обвиняемого в саботаже, гражданина Никольской волости, обвиняемого в контрреволюционном выступлении, группу граждан Никольской волости, обвиняемых в контрреволюционном выступлении на волостном собрании, трех членов реквизиционной комиссии Верхотальской волости, обвиняемых в том, что они в сентябре и октябре восемнадцатого года при реквизиции товаров и имущества буржуазии бесконтрольно расходовали для личных надобностей реквизированные сахар и папиросы, не уплачивая за них ни копейки. Правда, в небольших



количествах. Поэтому этих трех, один из которых был председатель волисполкома, второй волостной милиционер, а третий – волостной военный комиссар, освободили от наказания.

Заведующий лесными заготовками Тропин по постановлению Революционного Трибунала получил год тюрьмы с отправлением на общественные работы. Гражданин Леготин признан виновным «в оскорблении Советской власти, вождей пролетариата всего мира, товарищей Ленина, Троцкого, Рабоче-Крестьянской Красной Армии и, приняв во внимание низкий уровень общественного развития вынес Леготину общественное порицание».

Особняком стояло дело бывшего начальника милиции 4-го района Сольвычегодского уезда Пулькина, обвиняемого в злоупотреблениях по должности. Пулькин трибуналом признан виновным «В присвоении народного достояния и растрате его. Удовлетворяя свои корыстные цели растратил полученные для расчета участковых милиционеров суммы и взысканные с граждан по окладным листам, в пьянстве в компаниях и халатном отношении к службе, то есть в действиях, направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти и как совершившего таковые поступки сознательно, злостно, стоящего на ответственном посту, признал порочным членом пролетарской семьи, злостным врагом трудящихся и приговорил к высшей мере наказания расстрелу». Уже осужденный Пулькин просил трибунал заменить расстрел отправкой на фронт для искупления вины, но трибунал ему отказал, «находя присутствие Пулькина в рядах красных бойцов, как порочного члена общества, недопустимым». Отказал, между прочим, в разгар Гражданской войны. Отказал, хотя судили Пулькина не за убийство, а за растрату казенных денег и халатное отношение к службе. Отказал, когда тысячам дезертиров, которых советская власть надеялась вернуть на фронт, объявляли одну амнистию за другой.

В феврале двадцать первого года сессия Северо-Двинского Революционного Трибунала в Сольвычегодске рассмотрела дело благочинного Верхолальской Михайло-Архангельской церкви Дмитриевича, обвиняемого в контрреволюционной агитации, а гражданин Федьковской волости Борисов попал под трибунал за то, что ругал РКП(б) и председателя волисполкома Кузнецова.

В октябре двадцать первого года газету «Борьба и труд» закрыли, и все материалы о жизни Сольвычегодска уездному исполкому велено было отправлять в газету Северо-Двинской губернии «Советская мысль», издававшуюся в великом Устюге, а уж там решали, печатать или нет. Своя газета под названием «Сталинский путь» появится в Сольвычегодске лишь через восемнадцать лет – в ноябре тридцать девятого года.

Еще через год в октябре двадцать второго кончилась Гражданская война и началась мирная советская жизнь с ее коллективизацией, раскулачиваниями, высылками, ударными стройками пятилеток, чистками, проработками, партийными и комсомольскими собраниями, доносами, репрессиями и невиданным энтузиазмом строителей социализма в отдельно взятой стране. Если, конечно, такую жизнь можно назвать мирной.

### **Курорт и техникум**

В двадцать третьем году в Сольвычегодске открылся бальнеологический курорт. Илья Иванович Томский, в то время заведующий Сольвычегодским музеем, написал о курорте небольшую заметку: «Современный нерв Сольвычегодска – его курорт, открытый в 1923 г. Для лечебных целей использован местный минеральный источник – соленое озеро. Во времена Строгановых этот источник был использован иначе – на нем стояли солеваренные заводы. Нет никаких реклам о Сольвычегодском курорте, но многие едут сюда на лечение. Принимающих ванны в настоящее время 158 человек в день. Маленькое ванное отделение – почти на берегу соленого озера в стенах закрытого Введенского монастыря. В ваннах опрятно и чисто. Сиделки обмывают зеленым мылом ванную после каждого купающегося. Курортники сидят в ожидании на свой номер ванны, тихо разговаривают. Часть уже приняла ванны и отдыхает в комнате отдыха. Мерно постукивает

за стеной насос, подающий минеральную воду. <...> – Бывают случаи, – рассказывает сиделка, – когда больных приносят на носилках, а после лечения выходят на своих ногах. <...> Большинство курортников Сольвычегодского курорта – приезжие с разных концов севера: много зырян из области Коми, архангельцев, котлашан, красавинцев, устюжан, вятичей. <...> Приходится пожалеть, что на курорте до сего времени не организовано грязелечение. Грязи Сольвычегодского источника, по данным исследования Вятского бактериологического института, отличаются большими целебными свойствами. Их намечено было использовать в ближайшее время.

– К сожалению, мы бедны, – говорит заведующий курортом врач Журавлев. М. А., – и нет средств, чтобы развернуться. При применении грязелечения лечебные эффекты были бы поразительнее. Правда, и сейчас, без рекламы, из сезона в сезон увеличивается количество приезжающих лечиться. По-видимому, побывавшие и получившие облегчение, а иногда и полное выздоровление, рекламируют курорт достаточно. Результаты водолечения, очевидно, говорят сами за себя. <...> Единственный минус Сольвычегодска – сообщение с Котласом. Едущим на курорт с Двины приходится просиживать в Котласе в ожидании парохода на Вычегду сутки. Местное сообщение курсирующим между сольвычегодском и Котласом пароходом “Рогачев” также как-то не согласовано и неудачно. Данных же к развитию Сольвычегодского курорта много. Только необходимо их своевременно и без оттяжек использовать».

В двадцать шестом году для того, чтобы определить на какой глубине залегает слой минеральной воды, устроили пробное бурение скважин прямо на территории курорта. Оказалось, что на глубине восьмидесяти двух метров.

В двадцать восьмом году Сольвычегодский район был упразднен, а вслед за ним, через год, была упразднена и Северо-Двинская губерния. При районировании Северного края город Сольвычегодск был включен в состав Котласского района, а вместе с ним и полтора десятка сельсоветов упраздненного Сольвычегодского района. Сольвычегодский район появится на картах во второй и в последний раз в тридцать восьмом году и просуществует двадцать лет.

По решению Северо-Двинского губернского исполнительного комитета в Сольвычегодске в двадцать седьмом году открылся педагогический техникум. Городские власти отдали техникуму два дома по улице Сталина – двухэтажный деревянный дом бывшего реального училища для мальчиков и двухэтажный каменный дом высшего начального училища. Открытие приурочили к десятилетию Октябрьской революции. Открывали торжественно. По плану первого заведующего Василия Сергеевича Третьякова предполагалось «Здание украсить снаружи гирляндами зелени (плавун), световыми плакатами (звезда и фигура рабочего, разбивающего цепи) и флажками, а внутри гирляндами зелени, таблицами и диаграммами, световыми плакатами над эстрадой, световым фонарем и сооружением киоска. 6 ноября днем коллектив педтехникума будет участвовать в общегородской манифестации, а заведующий имеет приветствовать эту манифестацию у здания педтехникума с особо устроенной и декорированной трибуны. 7 ноября имеет быть вечер, распадающийся на 2 части: официальную с речами, приветствиями и исполнением интернационала и литературно-музыкальную... По истечении программы будет предложен чай и возможны игры».

Первыми студентами стали учащиеся школы второй ступени с педагогическим уклоном. Педагогов взяли из этой же школы. Бюджет у техникума, который находился в ведении Северо-Двинского губернского отдела народного образования, был местный, иными словами, очень скудный – на каждого студента приходилось почти в полтора раза меньше денег, чем этого требовалось по республиканским нормам. Прежде всего не хватало денег на стипендии. Поскольку время было голодное, то техникум наделили большим количеством земли для ведения подсобного хозяйства. Поначалу оно было не большим, поскольку для большого нужны были средства, но к тридцать четвертому году одной только пахотной земли у техникума имелось семь гектаров, в три раза больше сенокосной,

семнадцать гектаров под огородами и тридцать шесть гектаров парников. В тех краях авокадо не вырастить, но картошки, капусты, помидоров и огурцов студенты выращивали столько, что хватало и для собственной столовой, и для продажи. Кроме того, в хозяйстве была лошадь, три коровы и два теленка.

Через три года после открытия техникума открылось при нем общежитие, а в общежитии сразу была организована студенческая коммуна, состоявшая из пяти секций – хозяйственная заведовала питанием, бельева следила за одеждой и обувью, а санитарная за чистотой помещений. В тридцатом году при техникуме открылись подготовительные курсы, но принимали туда только детей рабочих, батраков, крестьян-бедняков и колхозников. В тридцать седьмом году техникум был переименован в сольвычегодское педагогическое училище. В самом начале тридцатых годов, когда в стране началось то, что называли сплошной коллективизацией, в Сольвычегодске организовали тракторные мастерские. К тридцать пятому году в них работало более полутора сотен человек. Мастерские реконструировали в пятидесятых, построили для рабочих десять восьмиквартирных домов и переименовали в ремонтно-механический завод.

В тридцать четвертом году в Сольвычегодске стали искать нефть. Бог знает почему. Стали бурить возле соленого озера в центре города. Нефти, как ни бурили, не нашли, но на глубине ста шестидесяти с лишним метров пришлось остановиться, поскольку из скважины пошла минеральная вода под давлением шесть атмосфер, причем куда более соленая, чем в озере. Источник обнесли деревянной восьмигранной башней и передали курорту. Через два года пробурили еще одну скважину и там на глубине восьмидесяти метров тоже не нашли нефти, но добрались до минеральной воды. Возле первого источника устроен небольшой бассейн с фонтаном, из которого круглый год вытекают под давлением струи целебной горькой и противной на вкус сульфатно-хлоридно-натриевой воды с запахом, который еще хуже вкуса. Камни, по которым вода стекает в землю, рыжие от содержащихся в ней окислов железа.

### **Имевший на иждивении четырех несовершеннолетних детей**

Сольвычегодск, как и всю страну в тридцатые и в сороковые годы, репрессии не миновали. В книге памяти жертв политических репрессий Архангельской области, в которую к тому времени войдет Сольвычегодск, можно найти сведения о том, что жители Сольвычегодска Кондрат Кондратович Бренинг, работавший дворником бальнеологического курорта, за «систематическую контрреволюционную агитацию» был осужден тройкой УНКВД по Архангельской области в октябре тридцать восьмого на десять лет лишения свободы; заведующий мельницей Дмитрий Сергеевич Богоулев, имевший на иждивении несовершеннолетнего сына, за «контрреволюционную деятельность» был осужден тройкой УНКВД по Архангельской области в ноябре тридцать седьмого на такой же срок; директор музея революции Филипп Николаевич Комков, тоже имевший на иждивении ребенка, осужден в январе тридцать седьмого Архангельским областным судом по ст. 58-10 ч. 1 на пять лет; кочегар Тадеуш-Фадей Михайлович Войткач, имевший на иждивении четырех несовершеннолетних детей, тройкой УНКВД по Архангельской области в декабре тридцать седьмого за «контрреволюционную деятельность» осужден сроком на 10 лет; служащий Николай Максимович Денисов, имевший на иждивении трех детей, арестован в октябре тридцать седьмого и через месяц тройкой УНКВД по Архангельской области за «антисоветскую агитацию» осужден на 10 лет; начальник пожарной охраны Сольвычегодска Федор Иванович Мильков Архангельским областным судом по ст. 58-10 ч. 1 осужден в августе сорок седьмого к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах на 2 года; слесарь ремонтно-строительных мастерских Николай Борисович Выгодников, имевший на иждивении четырех детей, Военным трибуналом войск НКВД по Архангельской области в феврале сорок четвертого по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР осужден на восемь лет; пенсионер Константин Васильевич Караулов арестован в феврале

тридцатого тройкой ПП ОГПУ Северного края и через два месяца выслан за «антисоветскую агитацию» в Северный край сроком на три года; инвалид второй группы Аркадий Иванович Молчанов Архангельским областным судом в июне сорок седьмого по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР осужден на 6 лет с поражением в правах на 3 года... Список репрессированных жителей Сольвычегодска можно еще долго продолжать. Всех этих людей, полностью реабилитированных впоследствии за отсутствием состава преступления, объединяет то, что о судьбе их ничего не известно кроме того, что они сгинули в тюрьмах и лагерях, а вот про жителя Сольвычегодска Григория Михайловича Елфимова точно известно, что он по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области в феврале тридцать восьмого был расстрелян за «распространение пораженческих и террористических настроений», так же как и рабочий городской больницы Петр Петрович Реймер, которого по постановлению тройки УНКВД по Архангельской области осудили по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и расстреляли в ноябре тридцать восьмого года<sup>95</sup>.

Сам Сольвычегодск в тридцатые годы был транзитным пунктом для репрессированных, через который проходили пешие этапы заключенных и ссыльных. На старом городском кладбище на месте перезахоронения останков тридцати пяти человек на средства граждан Сольвычегодска и Котласа установлен памятник жертвам пеших этапов тридцатых годов. В Сольвычегодском и соседнем Котласском районах была создана целая сеть спецпоселков, где депортированные из южных и центральных районов страны крестьяне, и не только они, работали на лесозаготовках, а точнее, умирали поодиночке и целыми семьями от непосильного труда, голода и болезней. Кроме того, в конце тридцатых и начале сороковых в Сольвычегодске и районе размещались депортированные осадники<sup>96</sup> и беженцы из Польши.

### **Эвакогоспиталь**

Во время войны, в августе сорок первого, в городе была организована госпитальная база Карельского фронта – сольвычегодский бальнеологический курорт был перепрофилирован в эвакогоспиталь на триста коек. Позднее его расширили до пятисот. Почти весь персонал курорта был зачислен в штат госпиталя. Вместе с врачами были мобилизованы и медсестры. Поскольку госпиталь имел в своем распоряжении лечебные грязи и минеральную воду, то он стал специализироваться на долечивании раненых с повреждением опорно-двигательного аппарата. Размещался эвакогоспиталь в главном здании курорта – в доме купцов Пьянковых. Раненых, продукты, медикаменты и оборудование в госпиталь доставляли сначала по железной дороге до Котласа, потом везли до переправы через Вычегду. От железнодорожного вокзала в Котласе до переправы чуть больше двадцати километров. Это сейчас туда идет автобус с двигателем в сто тридцать лошадиных сил, а тогда тащились подводы, в которые запрягали выбракованных, не годных для армии лошадей мощностью едва ли не меньше одной лошадиной силы. После переправы через Вычегду те из раненых, кто мог ходить, добирались от пристани до госпиталя пешком, а тяжелораненых везли на подводах. Топили госпиталь дровами, которых постоянно не хватало. Каждые сутки требовалось не менее сорока кубометров дров. Заготовкой дров, а их нужно было напилить, наколоть и привезти с берега Вычегды в госпиталь на подводах, занимались женщины и подростки, поскольку большая часть мужского населения ушла на фронт. Освещали госпитальные палаты коптилками, так как электростанции в Сольвычегодске в то время не было, а динамо-машина, имевшаяся в госпитале, могла обеспечить электричеством только электропилу, рентген-кабинет и физиотерапевтические процедуры. Сотрудникам госпиталя не хватало самой обычной еды. С авитаминозом боролись с помощью хвойного экстракта, который сами и делали, заготавливая в большом количестве хвою. Конечно, не всех раненых смогли вылечить и поставить на ноги. Тем, кто умер от ран и похоронен в Сольвычегодске, поставлен памятник на городском кладбище.

После окончания войны госпиталь расформировали, и курорт снова заработал. Лечиться сюда приезжали в первые послевоенные годы в основном инвалиды войны. В пятьдесят седьмом году газета «Сталинский путь», которую к тому времени переименовали в «Знамя ленинизма», писала, что в санатории по путевкам профсоюзов лечилось около тысячи семисот человек и еще сто пятьдесят амбулаторно не только из Архангельской, но и из других областей Российской Федерации. В пятьдесят девятом изучили и очертили границы месторождения сульфидных вод. В шестьдесят шестом открыли новую грязелечебницу, а в восемьдесят восьмом открыли новый, уже пятый по счету, корпус курорта.

### **Досрочные обязательства**

Не будем, однако, забегать вперед и вернемся в послевоенные годы. По публикациям газеты «Сталинский путь» можно составить представление о том, чем жили Сольвычегодск и район в конце сороковых и в первой половине пятидесятых годов. Само собой, на первых страницах писали о тех, кто план выполнил, перевыполнил и не выполнил. К примеру, в январе сорок девятого года Сольвычегодская МТС годовой план тракторных работ выполнила на 104,5%, в том числе план обмолота хлебов на 101%. Песчанский маслозавод план выполнил к 1 декабря. Сверх плана выработал 30 пудов сливочного масла. Это на 120 пудов больше, чем в 1947 году. Пищекомбинат выполнил план на 115,7%. Лучших показателей добились в кондитерском цехе, где выполнили план на 165,5%. В отстающих хронически было основное и самое крупное предприятие Сольвычегодского района – Нюбский леспромхоз, получивший свое название от реки Нюба, правого притока Вычегды, который годовой план по вывозке леса выполнил лишь на 69,5%. Леспромхоз был головной болью сольвычегодских властей. Основан он был еще в тридцать втором году, и никто уже и не помнил, когда он выполнял к сроку свои плановые обязательства. Тут тридцатью пудами сливочного масла сверх плана и успехами кондитерского цеха пищекомбината не отделаешься. Обком по голове не погладит. И это несмотря на то, что в конце декабря сорок восьмого года «агитбригада Сольвычегодского Дома культуры на лесопунктах Нюбского леспромхоза охватила культурным обслуживанием свыше двухсот человек лесорубов. На лесопунктах Четырнадцатый километр, Мотьменский и Семиречный инспектором отдела культпросветработы тов. Трубиным для рабочих был прочитан доклад на тему: “Выборы народных судов”. После чего на первых из них двух состоялись концерты. Лесорубы тепло встретили участников агитбригады». Вот и охватывай лесорубов культурным обслуживанием...

Работники Сольвычегодска и района постоянно участвовали в каких-нибудь соревнованиях. Социалистических, конечно. Перед Первомайскими праздниками рабочие и служащие Сольвычегодского райпищекомбината выполнили план первого квартала на 101,8%. Вступая в предмайское социалистическое соревнование, они обязались повысить производительность труда на 10%, снизить себестоимость против плана на 5% с улучшением качества выпускаемой продукции. В результате в кондитерском цехе мастер Епишкина с одной рабочей до предмайского соревнования вырабатывала пряников за смену от 20 до 50 кг, а в ходе соревнования за то же время стала выпускать 120 кг. Коллектив работников Рябовского маслозавода установленный план выполнил на 109,3%, а четырехмесячный план обещался выполнить до 20 апреля. К празднованию семидесятилетия отца народов коллектив Сольвычегодской МТС принял досрочные обязательства по ремонту тракторов – за счет уплотнения рабочего дня и за счет повышения производительности труда отремонтировать до 1 января 1950 года сверх графика два трактора. На каждой ремонтируемой машине сэкономить 2% отпущенных средств для ремонта. Как они эти два процента высчитывали... но сейчас не об этом. В механических мастерских токари обязались ежедневно выполнять технические нормы на 150%, а к первому декабря, за восемь дней до официального отмечаемого всенародного праздника,

артель инвалидов «Кустарь» выполнила план на 155%. Артель «Крестьянин» и вовсе встала на стахановскую вахту и обязалась на 20% повысить производительность труда, а продукцию выпускать только первого сорта и усилить борьбу за экономное расходование сырья и материалов.

Конечно, были в работе городских организаций недостатки, да и отдельные граждане давали, что и говорить, поводы.... Газета о них регулярно писала. Директор городской бани Герасимов пьянствовал в рабочее время. 6 августа сорок девятого года он со своими родственниками, напившись пьяным, провел весь день в городской чайной. Кое-кто из очень хозяйственных сольвычегодцев регулярно подбирал лучшую древесину с берегов реки Вычегды, принадлежащую государству, которую разделял на личные дрова. Что касается дров, то, как сообщал в письме в газету председатель колхоза «Новая жизнь», летом и осенью сорок девятого года граждане города Сольвычегодска «Герасимов, Дедюля, Задорин, Строганов, Верховцев, Петраков, Абакумов и другие самовольно в лесах местного значения колхоза “Новая жизнь” Метлинского сельсовета заготовили и увезли дров к своим квартирам на сумму около 2000 рублей». Отдыхающие на сольвычегодском курорте жаловались на директора хлебопекарни Сольвычегодского горпо<sup>97</sup> тов. Ногтева, который «до сего времени не обращает должного внимания на качество выпекаемого хлеба». Хлеб, выпекаемый на городской хлебопекарне мало того, что влажный, так еще и кислый.

Через шесть лет читаем в газете снова о том же в жалобе сольвычегодского пенсионера Клочихина: «Зачастую в магазинах города продается хлеб плохого качества. То он бывает недопечен, то перепечен. Не пора ли директорам и заведующим магазинами покончить с примиренчеством к бракоделам и по-настоящему использовать свое право – не принимать для продажи некачественный хлеб, а руководителям горпо относить убытки за счет бракоделам». Еще как пора покончить – Гражданская война кончилась тридцать с лишним лет назад, и мука была уже совсем другого качества, и не было в ней ни песка, ни мусора, ни отрубей, и недоброй памяти потребительское общество «Эконом», выпекавшее в девятнадцатом году черт знает что вместо хлеба, давно приказало долго жить, а хлеб как был плохого качества, так и...<sup>98</sup>

Сольвычегодцы не то чтобы любили жаловаться в свою газету, но... что, спрашивается, делать, если те, кому положено, на эти жалобы не реагируют. В пятьдесят пятом году жаловались на плохую работу городского радиоузла, который должен был обслуживать город и близлежащие деревни. Мало того, что работал он далеко не каждый день, так еще и слышен был из него «только шепот, свист или шум. Работники радиоузла интересуются только тем, чтобы своевременно была внесена абонентская плата, и при опоздании взыскать штраф, а не интересуются качеством радиопередач».

Жаловались на то, что в городском Доме культуры нет порядка. «Во-первых, он очень мал и далеко не соответствует требованиям культурного отдыха. Во-вторых, порядка в Доме культуры нет. Зачастую в кино продается до семидесяти билетов с нумерованными местами так называемых “входных”. Но продаются они за ту же стоимость, что и билеты с местами. В результате создается толкучка, недовольство зрителей. На вечерние сеансы допускаются даже дети дошкольного возраста. Нередко сеансы начинаются не в установленное время – или раньше или же позднее. <...> В зрительном зале и фойе Дома культуры грязно. Наглядная агитация по много месяцев не обновлялась и к тому же очень бедна по содержанию и оформлению. Есть крайняя необходимость навести в районном Доме культуры должные порядки».

Жаловались на работников советской торговли. Как, спрашивается, на них не жаловаться, если они продают товары из-под прилавка. За нарушение прав советской торговли заведующей магазином Сольвычегодского горпо Сорокиной и объявлен выговор с предупреждением – если она и в дальнейшем будет нарушать правила, ее привлекут к суду. Так она и перестала... Между тем в начале пятидесятых со снабжением продуктами питания и не только с ними в Сольвычегодске дела обстояли далеко не лучшим образом. Прочитируем заметку «Пора навести порядок в торговле горпо», напечатанную в июне

пятьдесят второго года: «Второй месяц горпо не может организовать торговлю в городе керосином, который в летнее время крайне необходим в каждом доме для приготовления обедов. В райпищекомбинате имеются в избытке различные напитки: пиво, квас кислый и сладкий, брага, морс, морс, в маслопроме есть мороженое, которое уже портится, но горпо никак не может организовать торговлю даже этими напитками. Чтобы купить порцию мороженого, или, например, свежей рыбы, молочных продуктов, свежей зелени, стакан ягод клюквы, жителям Сольвычегодска приходится ездить в Котлас, тогда как все эти продукты можно найти в избытке внутри нашего района. Исключительно скверно работают и общественные столовые. В столовых грязно, обслуживают недопустимо медленно, на столах почти никогда не бывает горчицы, перца и часто даже соли. На обе столовых – две чайных ложки. Меню столовых стало отвратительно». Наверное, проще было рыбы наловить в Вычегде и насобирать клюквы в окрестностях города<sup>99</sup>, чем ехать в Котлас. В конце концов, можно и соли самим наварить, если ты живешь в Сольвычегодске, но зачем тогда существует горпо...

Кстати, о столовых. Нельзя не привести результаты проверки торговой комиссией горсовета предприятий общественного питания города Сольвычегодска в августе пятьдесят пятого года. «В столовой №1 в марте сего года зав. столовой т. Ногина и повар т. Лушкова допустили обвес. Например, треску жареную готовили с обвесом на 15 граммов у порции. Буфетчица т. Паламодова у отпущенного хлеба 200 граммов обвешала потребителя на 20 граммов, а у 200 г пряников допустила обвес 8 граммов. В столовой №2, где заведующим в то время был т. Чмирев, а старшим поваром т. Аршинова, также допускались неполновесные блюда. У взятых на контроль 8 порций отварной трески обвес составил 140 граммов. Каша гречневая имела недвес 125 граммов у порции, блины с вареньем – 35 граммов у порции, котлеты мясные – 30 граммов у порции. Гарнир к свинине жареной – 45 граммов у порции.

При вторичной проверке столовой №1 в июле с. г. оказалось, что обвес потребителей продолжается. У раздатчика на кухне пом. повара т. Будахиной А.П. мясные котлеты были приготовлены с обвесом 15 граммов у порции, недвес к жареной треске имел 10 граммов у порции, каша рисовая – 75 граммов у порции. У буфетчицы Семеновой на контроль хлеба оказалось: у 200 граммов обвес на 13 граммов, у 150 граммов обвес на 15 граммов. Продавец магазина т. Тюкавина взятую в качестве контрольной покупки рыбу взвесила на бумаге, а на второй чашке весов бумаги не было. Эти факты говорят о том, что в городе слабо поставлен контроль и проверка деятельности предприятий торговли общественного питания. Там, где дело организовано правильно, где четко и хорошо работают ревизионные и лавочные комиссии, там случаи хищений и воровства государственного народного добра, как правило, не допускаются. Членам ревизионных и проверочных комиссий необходимо повысить ответственность за порученное дело, по-настоящему бороться за улучшение торговли в районе». Как писала газета, «на предприятиях торговли и общественного питания Сольвычегодского горпо имеются грубейшие и при том массовые нарушения правил советской торговли, многочисленные факты злоупотреблений». Можно подумать, что только Сольвычегодского горпо<sup>100</sup>.

Очень остро обстоит дело со снабжением города и района керосином. Отсутствие керосина означало и проблемы с приготовлением пищи, и отсутствие света, поскольку электричество в городе, если и было, то только не у простых граждан. Газета писала в ноябре сорок девятого: «В продаже горпо нет керосина уже более месяца и население города Сольвычегодска вынуждено по вечерам сидеть без света. Пора правлению горпо проявить заботу о трудящихся города и полностью удовлетворить их потребность в керосине».

Вот что писал в газету заведующий сельской школой Сольвычегодского района осенью пятьдесят второго года: «Как весной, так и сейчас осенью, в магазине Новиковского сельпо нет ни одного литра керосина и колхозникам после работы приходится сидеть с лучиной. Особенно нуждаются в керосине школы, которые работают в две и полторы смены. Но такое положение ничуть не тревожит председателя сельпо т. Горнова, он не

принимает никаких мер к завозу и продаже керосина. На территории Новиковского сельсовета Горнов не бывал уже три месяца. О таком бездушном отношении т. Горнова к нуждам трудящихся известно райпотребсоюзу, но последний никаких действенных мер к улучшению работы Новиковского сельпо не принимает».

Забегая вперед, процитируем уже «Знамя ленинизма» от первого сентября пятьдесят седьмого года: «На городском керосиновом ларьке прибита дощечка с надписью: “Ларек торгует в четверг, пятницу и субботу с 18 до 17 часов. Перерыв с 12 часов”. Но это только написано. На самом же деле керосина трудящиеся не видят все лето. После настоятельных требований горожан райпотребсоюз “забросил” ... 10 бочек. Чтобы купить 5 литров керосина, пришлось стоять в очереди 5–6 часов. Керосин был распродан за один день. Горпо и райпотребсоюз, видимо, успокоились этой подачкой и завоз керосина прекратили, а райторготдел спокойно наблюдает за бездеятельностью райпотребсоюза. И сейчас, когда вечерние сумерки с каждым днем наступают все раньше и раньше, а электростанция центральных ремонтно-механических мастерских далеко не полностью обеспечивают город светом, потребность в керосине возрастает все больше, керосиновый ларек закрыт уже более двух недель на крепкий замок. Вот и приходится горожанам или зажигать лучину (это в век-то электричества!), или, хотя и не хочется, раньше ложиться спать. Так ли надо торгующим организациям заботиться о быте трудящихся?» Вот вам и электричество на сороковом году советской власти...

Кстати, о сорокалетьи советской власти. Под заголовком «Нам обеспечена спокойная старость» в «Ленинском знамени» в ноябре пятьдесят седьмого было опубликовано письмо инвалида Якова Эдельштейна: «Недавно весь наш народ отметил 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. С особенной радостью встретили эту знаменательную дату мы, инвалиды. Мы знаем, что нас в царское время ожидала бы нищета и голодная смерть. Нищенствуют и голодают и сейчас инвалиды в капиталистических странах. Наша Коммунистическая и Советское правительство проявляют особое внимание и заботу об инвалидах. Нам предоставлены особые дома, мы размещены в светлых просторных комнатах, обеспечены постельными принадлежностями, бельем, питанием. При доме инвалидов имеется хорошо оборудованный просторный красный уголок, где можно послушать радио, прочесть газету, книгу, поиграть в шашки или шахматы. Мы очень любим проводить вечера в красном уголке. Имеется также у нас и медпункт. Фельдшер Макарова и ее помощница Владимирова ежедневно обходят палаты, выясняют, кто заболел, и оказывают помощь больному. Весь обслуживающий персонал чутко и внимательно относится к нашим нуждам и запросам. Хочется от души поблагодарить нашу Коммунистическую партию и Советское правительство от имени 96 инвалидов, проживающих в нашем доме, за заботу и внимание»<sup>101</sup>.

В том же году сорокалетия советской власти сольвычегодскому дошкольному детскому дому исполнилось тридцать лет. За эти тридцать не самых простых лет детский дом вырастил и воспитал шестьсот круглых сирот.

Завершая разговор о жалобах и недостатках, о которых так подробно писала газета «Сталинский путь» в первое послевоенное десятилетие, процитируем июньское сорок девятого года постановление архангельского обкома ВКП(б) о самой газете. «Бюро обкома ВКП(б) отметило, что сольвычегодская районная газета не улучшила своей работы в свете решения четвертой областной партийной конференции и по-прежнему ведется на низком идейном и культурном уровне. Редакция газеты, по существу, оторвалась от первичных партийных организаций и сельских Советов, не опирается на широкий вне редакционный актив. Печатаемые на страницах газеты материалы носят случайный информационный характер и, как правило, пишутся штатными работниками редакции. Редакция газеты делала некоторые попытки улучшить освещение отдельных вопросов жизни района (например, провела рейд селькоров по проверке содержания скота в колхозах), но эти хорошие начинания носили эпизодический характер, организационно ничем не подкреплялись и в силу этого не дали необходимых результатов. Редактор газеты тов.



Антропов в командировки не выезжает, положения дел на местах не знает, оторвался от жизни района и ограничивает свою деятельность сбором информации по телефону.

Газета не поднимает перспективных вопросов развития хозяйства и культуры района, зачастую проходит мимо насущных вопросов, выдвигаемых жизнью. Редакция не подхватила ценного начинания в развертывании социалистического соревнования за повышение качественных показателей в работе промышленности и сельского хозяйства. Газета проявила недопустимую медлительность в деле разъяснения трехлетнего плана развития общественного колхозного и совхозного животноводства, по существу самоустранилась от мобилизации широких масс колхозников на выполнение этого важнейшего постановления партии и правительства.

Вопросы партийно-политической и культурно-воспитательной работы освещаются поверхностно, нецелеустремленно, без продуманного плана. На страницах газеты редко печатаются материалы о состоянии массово-политической работы на крупнейшем предприятии района – Ньюбском леспромпхозе, слабо показывается ведущая роль коммунистов и в целом первичных парторганизаций.

Совершенно не находят отражения в газете вопросы естественно-научной пропаганды, борьбы с пережитками и влиянием враждебной буржуазной идеологии. Крайне редко публикуются материалы с острой деловой критикой недостатков и работе партийных и советских организаций, предприятий и колхозов, не показываются пути их быстрее устранения. Редакция газеты слабо борется за улучшение идейного содержания и повышения литературных качеств публикуемых материалов. Статьи и корреспонденции в большинстве случаев излагаются сухим, стандартным языком, страдают общими рассуждениями. Вместо обстоятельного анализа деятельности и показа опыта работы партийных организаций, предприятий, колхозов, стахановцев, культурно-просветительных учреждений, редакция часто помещает материалы, которые не дают объективного представления о действительном положении на местах.

На страницах газеты нередко публикуются плохо отредактированные материалы, допускаются грамматические ошибки и опечатки. Газетные полосы верстаются неряшливо, без продуманных макетов, с нарушением правил верстки. Контроль за версткой и печатанием газеты не налажен, техническая учеба работников типографии не организована.

Оторванность газеты от жизни района, ее низкий идейный и культурный уровень привели к тому, что газета перестала пользоваться авторитетом среди населения района и плохо распространяется по подписке. Установленный тираж газеты реализован по подписке только на 58,9%. Сольвычегодский РК ВКП(б) смирился с тем фактом, что газета из боевого партийного органа по существу превратилась в информационный листок, не вникает глубоко в содержание работы редакции, не направляет ее деятельность на освещение наиболее важных и злободневных вопросов жизни района. Райком крайне слабо использует газету, как важнейшее средство повышения производственной активности и коммунистической сознательности района.

Обком ВКП(б) предложил Сольвычегодскому райкому ВКП(б) и редактору газеты “Сталинский путь” тов. Антропову устранить недостатки, обеспечить коренное улучшение в работе газеты, поднять ее идейный и культурный уровень, для чего повысить организаторскую роль газеты в развертывании социалистического соревнования за досрочное выполнение послевоенной пятилетки, за улучшение качественных показателей в работе промышленности сельского хозяйства. На ярких и убедительных фактах и примерах показывать результаты соревнования по выполнению плана лесозаготовок и лесосплава, своевременному и высококачественному проведению весеннего сева, повышение урожайности колхозных полей и продуктивности социалистического животноводства, пропагандировать положительный опыт передовых предприятий и колхозов по созданию бригад отличного качества, смело и решительно критиковать недостатки, показывая пути их устранения. Поднимать в газете перспективные вопросы в развитии промышленности и сельского хозяйства района, уделив особое внимание разъяснению постановления партии и

правительства о трехлетнем плане развития общественного животноводства, мобилизуя широкие массы на успешное его выполнение. Систематически показывать на страницах газеты, как партийные организации и культурно-просветительные учреждения района ведут работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, организуют естественно-научную пропаганду, ведут борьбу с пережитками и влиянием чуждой буржуазной идеологии, добиваются повышения социалистической сознательности и активности рабочих, колхозников и интеллигенции района. Широко привлекать к выступлениям в газете руководящих партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, сельскую интеллигенцию, решительно улучшить работу с рабочими и сельскими корреспондентами, создать вокруг газеты постоянный вне редакционный авторский коллектив, организовать с ним повседневную работу путем проведения инструктивных совещаний и ознакомления корреспондентов с планами работы газеты, своевременно принимать меры по каждой корреспонденции, добиваясь действенности печатаемых материалов. <...> Обком ВКП(б) обязал первого секретаря Сольвычегодского райкома ВКП(б) тов. Антоновского лично заниматься работой редакции районной газеты, систематически рассматривать и утверждать на бюро райкома планы работы, контролировать содержание публикуемых материалов, направлять газету на освещение наиболее важных вопросов жизни района».

Вот так... перспективных вопросов не поднимала, низкий идейный и культурный уровень, оторвалась от жизни района, от первичных партийных организаций и сельских Советов, перестала пользоваться авторитетом. Видимо, после такого постановления редакция газеты и ее главный редактор соответствующие выводы сделали и в самом конце сорок девятого года в «Сталинском пути» была напечатана статья о сегодняшнем дне Сольвычегодска. Не то чтобы она приукрашивала действительность, нет, но...

«Наш маленький город после Октябрьской социалистической революции в корне изменил свой облик. Жизнь в нем, как и всюду в советской стране, бьет ключом, куда не взглянем – везде видим новое, созданное за годы советской власти. Раньше, как в городе, а также и в уезде промышленности не было. Лишь кустари одиночки вырабатывали ручным способом гончарную и бондарную посуду, шили сапоги, делали телеги и сани, вот, пожалуй, и вся дореволюционная промышленность. Теперь в городе ремонтные механические мастерские, обслуживающие лесозаготовительные предприятия нескольких районов, открыты кооперативные швейные и сапожные мастерские. Два года тому назад построен и действует пивоваренный завод.

В прошлом году построена городская электростанция и коммунальная баня, в текущем году завершено строительство большого здания средней школы. В районе работает большой механизированный леспромхоз, сплавная контора, отбуксировавшая за лето сотни тысяч кубометров леса, заканчивается строительство крупнейшей лесоперевалочной базы, расширяются Тулубьевские судоремонтные мастерские. Большинство из этих предприятий работают точно по графику и опережают его. Например, коллектив Виледской сплавконторы на десять дней раньше срока завершил сплав леса, высвободив из оборота около полутора миллионов рублей оборотных средств.

По территории района прошла Печорская железная дорога. В связи с этим вырос недалеко от города большой поселок Вычегодский. В нем построены благоустроенные дома для железнодорожников и рабочих других предприятий, здание семилетней школы, клуб, электростанция и другие культурно-бытовые учреждения. Трудящиеся поселка почти ежедневно могут смотреть звуковые фильмы.

Сельское хозяйство района давно стало социалистическим. Теперь нигде не встретим сохи и деревянной бороны. Большие колхозные поля обрабатываются машинно-тракторной станцией, имеющей значительный тракторный парк, комбайны и многие другие сельскохозяйственные машины. <...> Передовые полеводческие бригады намачивают ржи и пшеницы до ста и больше пудов с гектара. <...> В области развития общественного колхозного животноводства имеются также значительные успехи. <...> Все колхозы имеют по четыре животноводческие фермы: крупного рогатого скота, овец, свиней и птицы. <...>

Колхозный строй избавил крестьян-бедняков от эксплуатации кулаков, нищеты. До Октябрьской социалистической революции в окружавших Сольвычегодск деревнях многие крестьяне не имели не только лошадей, но и коровы, а хлеба со своих полосок снимали столько, что его не хватало на полгода. Сейчас не встретишь колхозника, который бы не имел коровы и мелкого скота, нет недостатка в хлебе. Материальный уровень колхозников неуклонно повышается.

Исключительные изменения произошли в культурном отношении. До Октябрьской революции в Сольвычегодском уезде только около одной четверти населения умели читать и писать. В самом городе была лишь небольшая гимназия, в которой обучались дети купцов и богатых крестьян, начальных школ в уезде были единицы. Иная картина теперь: неграмотность давно ликвидирована полностью. В городе имеется средняя школа и педагогическое училище, выпустившее из своих стен за двадцать лет свыше тысячи учителей начальных школ. В педагогическом училище сейчас обучается свыше трехсот юношей и девушек, в средней школе – свыше шестисот человек. В районе, исключая город, имеется семь семилетних школ и двадцать одна начальная школа. В них обучается три тысячи детей рабочих, служащих и колхозников.

Большевистская партия и советское правительство, руководимые великим Сталиным, широко открыли для простых людей двери в науку. Сотни сыновей рабочих и крестьян за годы советской власти получили среднее и высшее образование, и многие из них теперь занимают ответственные посты в советских и партийных организациях. Сын крестьянина – воспитанник педагогического училища А.Н. Коломинов – ныне генерал-майор, сын колхозника Козьминского сельсовета В.П. Бегоулев – военврач Герой Советского союза.

Районная библиотека, имеющая свыше тринадцати тысяч томов художественной и политической литературы, районный радиоузел, звуковое кино, краеведческий музей, клубы, библиотеки на предприятиях в сельской местности – все это и многое другое создано после Великого Октября. Дома и улицы освещаются электричеством. В текущем году зажглись лампочки Ильича в лесу в общежитии лесорубов. Трудящиеся города выписывают сотни экземпляров центральных и областных газет и много журналов. Все это появилось в годы советской власти и все это свидетельствует о неуклонном росте культурного и материального благосостояния трудящихся района. Сольвычегодск – бывшее место царской ссылки – стал культурным районным центром».

Про то как дома и улицы освещаются электричеством, про директора городской бани, про работу радиоузла, про звук в кино и про то, как большинство предприятий работают точно по графику и опережают его, газета писала, и за это на бюро обкома ей... а с другой стороны – кулаков действительно истребили как класс, сельское хозяйство стало социалистическим, никто не голодает, появились клубы, краеведческий музей, педучилище, большая городская библиотека и сельские поменьше, культурное и материальное благосостояния неуклонно растут...

Кстати, о домах и улицах. Раньше, при царе, очистка городских улиц и площадей производилась арестантами городской тюрьмы. Обязанности по очистке выгребных ям и ремонту частных домов лежали на домовладельцах, а теперь, когда арестантов от дела отстранили, когда городскую управу заменило домоуправление горсовета, когда дома стали принадлежать городу... Приведем четыре письма, написанные на эту тему сольвычегодцами весной пятьдесят пятого года в газету:

«Проходя по улицам города... А загляните на улицу Футбольную. Чего только и нет здесь. Улица захламлена лесом, дровами, на ней идет строительство сруба под какое-то небольшое помещение. Вот место водоснабжения – колодец у общежития, стоящего рядом с конторой МТС. В колодце – разный мусор и отбросы. Вода превращена в сплошное месиво грязи. Но, к сожалению, факты эти не единичные. Их можно встретить повсюду. Когда все же горсовет не формально, не бюрократически будет относиться к

осуществлению своих планов и решений о благоустройстве? Н. Паламодов. Член уличного комитета.

Резолюция есть, а дела нет. Я являюсь домоуправом в доме №6 по улице Урицкого в г. Сольвычегодске. Еще в марте я подавала в горсовет заявление об очистке уборной. Руководитель домоуправления горсовета тов. Терехов сразу же написал на заявлении резолюцию: "Очистить в ближайшие дни". Прошли не дни, а месяцы, но яма все еще не очищена. Жителям дома приходится самим ведрами убирать льющуюся через края ямы навозную жижу. Кроме того, в нашем доме крайне нужно перекрыть крышу. Во время дождя нет спасенья, вода проникает в помещение всюду. Руководителям горсовета об этом тоже известно, но они никаких мер не принимают к тому, чтобы перекрыть крышу.

Санинспекция, где ты? Во дворе конторы МТС всюду огромные груды навоза, вываленного из животноводческих помещений. Владельцы скота – служащие МТС ничуть не заботятся держать занимаемую ими территорию в должном санитарном порядке несмотря на то, что рядом расположены столовая и булочная-пекарня горпо. Почему санинспекция и ее руководитель т. Басаргина примиренчески относятся к грубейшим нарушениям правил санитарии?

Забытый дом. На территории города Сольвычегодска находится санаторий для туберкулезных детей. Много детей отдыхают, а вместе с тем и восстанавливают свое здоровье. Но когдаходишь к этому дому, то обстановка вокруг дома совершенно не располагает на отдых. Ворота и ограда вокруг дома стоят еле-еле, при сильном ветре все упадет. Кое где ограда приперта кольями, чтобы не упала. "Заботливый" руководитель не позаботился даже озеленить территорию санатория, посадить деревья, разбить цветочные клумбы., чтобы не только лечение, но и окружающая среда воздействовала благоприятно на лечащихся там детей. Заведующая тубсанаторием тов. Евдокимова никаких мер по благоустройству не принимает. Забыли, видимо, о санатории и руководители райздравотдела, а нужно немедленно позаботиться о нем, ведь там отдыхают и лечатся дети – наше будущее».

Власти реагировали. Исполком Сольвычегодского Совета депутатов трудящихся каждую весну ближе к майским праздникам, приказывал «Обязать председателей городского и сельских Советов, руководителей предприятий и организаций, учебных заведений, лечебных и детских учреждений, комендантов домов и общежитий в срок до 30 апреля организовать и закончить массовую очистку территории улиц, дворов, площадей, общественных ящиков, нечистот, мусора и навоза. Категорически запретить вывоз фекалий из города и населенных пунктов района на огороды, парники, поля для овощных культур и корнеплодов и разрешить вывозить фекалий как удобрений на поля только под зерновые культуры. Совместно с саннадзором в городе, а на территории района с участием медработников выделить "свалочные" места для вывозки всех нечистот на расстоянии не ближе километра от населенного пункта. Привлечь для вывозки гужевой и автотранспорт всех общественных организаций. В срок до 30 апреля произвести ремонт всех уборных и помойных ям. <...> Обязать райздравотдел обеспечить через районную аптеку продажу хлорной извести всем организациям, предприятиям и населению. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на заведующую райздравотделом».

Нужно сказать, что сольвычегодцы активно участвовали в благоустройстве города. Школьные учителя, ученики, врачи горбольницы, курорта, служащие райкома партии, воспитанники детского дома, преподаватели педучилища и студенты сажали березы, тополя, яблони, кусты малины, сирени, акации, сотнями, строили заборы, тротуары и разбивали клумбы. Летом пятьдесят второго года горожане посадили для укрепления берега Вычегды ниже города свыше шести тысяч кольев ивы в четыре ряда. Не просто сажали и бросали на произвол судьбы, а еще и поливали, и защищали их от потравы скотом,

который бродил по городу как при царе, не обращая никакого внимания на то, что власть уж сорок лет как переменилась.

### **Аптечный киоск и швейная мастерская**

Оставим яблони и кусты малины и перейдем к культурной жизни Сольвычегодска того времени. К культурным событиям отнесем первую колхозную ярмарку, прошедшую в конце октября сорок девятого года. Оно и понятно, поскольку для приехавших на ярмарку колхозников читали лекции, проводили беседы, организовывали культпоходы в кино и городские музеи. Ярмарка проходила на центральной площади Сольвычегодска. Там построили открытые столы, прилавки и киоски. Посетило ярмарку свыше четырех тысяч человек. Газета писала: «Торгующими организациями в магазины, лавки, ларьки и киоски в порядке встречной торговли было выкинуто для продажи большое количество всевозможных товаров».

Не знаю, можно ли отнести к событиям культурной жизни массовое гуляние, посвященное сорокалетию со дня пребывания в ссылке Сталина в Сольвычегодске, но поскольку событий культурной жизни в сорок девятом году было не так уж и много, то отнесем и его. «Сталинский путь» подробно описывал это событие: «На место, где товарищ Сталин проводил сходки с местным населением, прибыли трудящиеся, молодежь города, поэт тов. Молчанов, пионеры города Архангельска. В начале гуляния пионерами детдома №1 совместно с пионерами города Архангельска, был организован пионерский костер. Выступивший руководитель пионеров города Архангельска тов. Никитин рассказал собравшимся биографию товарища Сталина. Поэт тов. Молчанов приветствовал присутствующих от Союза советских писателей и прочел ряд своих стихов. После пионерского костра состоялись игры и танцы. Гуляние прошло оживленно с большой активностью трудящихся города».

Таких событий, которые относились скорее к общественно-политической жизни, нежели к культурной, в те годы было много. Например, трехдневный семинар пропагандистов политшкол и кружков по изучению биографии И.В. Сталина и истории ВКП(б), состоявшийся в марте пятьдесят второго. Вряд ли кто-то читал на этом семинаре стихи, а уж игр и танцев точно не было. Туда же отнесем и ежедневные политинформации, проходившие в сольвычегодской центральной сберкассе, в ходе которых заведующий сберкассой товарищ Лопаткин знакомит работников своего коллектива с происходящими событиями в Советском Союзе и странах народной демократии.

В марте пятьдесят второго в районной библиотеке состоялся литературно-художественный вечер, посвященный великому русскому писателю Н.В. Гоголю. Доклад, который прочел преподаватель педагогического училища, сопровождался показом диафильма о Гоголе<sup>102</sup>. Сотрудники библиотеки прочли отрывки из произведений Гоголя, а преподаватели училища под аккомпанемент аккордеона исполнили украинские песни.

В библиотеке сольвычегодского райкома регулярно читали лекции для жителей города и района на самые разные темы – например, о вреде религиозных пережитков или о борьбе большевиков за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в первой русской революции 1905–1907 гг. В клубе бальнеологического курорта главный врач районной больницы прочел лекцию об алкоголизме как о вредном пережитке прошлого. Лекция, как писал «Сталинский путь», «вызвала большой интерес».

В ноябре пятьдесят седьмого года в городском Доме культуры состоялась первая районная конференция работников учреждений культуры, на которой присутствовало более семидесяти человек. Такого еще в истории Сольвычегодска и района не было. Участники конференции заслушали и обсудили доклад председателя исполкома районного Совета депутатов трудящихся Ванюшкина «О состоянии и мерах улучшения работы культурно-просветительных учреждений района». Потом выступали одни депутаты и жаловались – кто на то, что для библиотеки не заготовили дров на зиму и работать

приходится в холодном помещении, кто на недостаток или полное отсутствие оборудования, кто на плохую работу клуба в районе, где редко читают лекции, не проводят литературные вечера, а завклубом редкий гость на фермах и в бригадах. После них выступали другие депутаты и не жаловались, а рассказывали, как прочли десятки лекций, устроили концерты, а заведующая одной из изб-читален каждый день приходила на ферму с книгами и читала их дояркам в перерывах между дойками, потом останавливалась на самом интересном месте и звала доярок вечером в избу-читальню дослушать. Энергии этой заведующей из деревни Шешурово Сольвычегодского района хватило на организацию хорового и драматического коллективов силами которых было проведено десять концертов, колхозный фестиваль молодежи и устроен тематический вечер с докладом о том, как мы «В ближайшие годы догоним США по производству мяса, молока и масла на душу населения». Впрочем, и у тех, у кого работа спорилась, дров на отопление изб-читален, библиотек и клубов тоже не хватало.

Конференция закончилась, как и все советские конференции – приняли постановление об улучшении культурно-массовой работы в районе, лучших работников культуры наградили почетными грамотами и избрали на первый областной съезд работников культуры<sup>103</sup>.

От событий культурной жизни перейдем к событиям, связанным с сельскохозяйственными культурами. Вернее, с одной культурой – кукурузой. На десятой районной конференции ВЛКМ в пятьдесят пятом году молодежь приняла обязательство вырастить кукурузу на площади в сто двадцать гектаров. Как писала в начале июня городская газета «Это очень важное и почетное дело. Сотни юношей и девушек, работающих на предприятиях, в учреждениях и колхозах, учащиеся средних и семилетних школ вступили в поход за выращивание высоких урожаев кукурузы. Комсомольские организации колхозов, молодежь шефствующих над колхозами предприятий и организаций, а также ученические начали создавать зимой комсомольско-молодежные звенья, знакомиться с агротехникой выращивания кукурузы, готовить участки к посеву». За выращивание кукурузы взялись все – и юннаты в школах, и студенты педучилища, и преподаватели сольвычегодской средней школы, и конечно колхозы, мнением которых о целесообразности выращивания кукурузы в условиях Сольвычегодского района никто и не думал интересоваться. В газете постоянно печатались статьи о том, как кукурузу сеять, как выращивать и чем удобрять, публиковались списки литературы и даже колхозные поговорки о кукурузе – кукурузные початки растут от Крыма до Камчатки, кукурузная полоса – это ветчина и колбаса, коль кукуруза что лес – колхоз в миллионеры полез, сей кукурузу – свиньи будут не в обузу. Правда, некоторые колхозы изо всех сил старались уклоняться от посевов кукурузы и упорно сеяли то, что обычно в этих краях растет – рожь, ячмень, овес, гречиху. Так, например, поступал колхоз «Красная заря», к которому не один и не два раза приходили представители райкома ВЛКСМ, преподаватели сольвычегодской средней школы вместе с учениками и просили руководство колхоза начать вспашку земли под посев кукурузы. Пока просили, короткое северное лето стало мало-помалу заканчиваться и...

В пятьдесят девятом году Сольвычегодский район упразднили и Сольвычегодск приписали к Котласскому району. Стал он городом районного подчинения или, как сказали бы до исторического материализма, заштатным городом – вроде Красноборска, который был заштатным городом в составе Сольвычегодского уезда. Не то чтобы обидно, но... обидно, что и говорить. С другой стороны, не нужно отвечать за вечно не выполняющий план по лесозаготовкам леспромхоз, за посевную в колхозах, за сбор урожая, за надой молока, за силосование кормов, за работу райпотребсоюза, за заготовки сельхозпродуктов...

Началась в Сольвычегодске тихая размеренная жизнь советского города районного подчинения. Сольвычегодское горпо взялось за ум, завело свинокомплекс и обеспечивало сольвычегодцев свининой и молодыми поросятами, создало бригаду по вылову речной и озерной рыбы, которой снабжало курорт и детские учреждения. Появилось у горпо и свое

подсобное хозяйство, обеспечивавшее город картофелем и овощами. В шестидесятые построили хлебозавод, который в годы своего расцвета выпускал чуть больше сорока видов хлебобулочной продукции. Только хлеба выпекалось восемь сортов, среди которых и Степной, и Уральский, и Красносельский, и Столовый, и Домашний, и даже Забайкальский, бублики простые и лимонные, баранки, полтора десятка самых разных булок с повидлом, маком, изюмом, медом, булка Колобок, булка Веснушка, булка Октябренок, пять видов сушек... Конечно, столичного жителя, да и просто большого города такой ассортимент вряд ли удивит, но где житель большого города, а где житель крошечного северного городка среди тайги, болот и медведей. Еще и на другом берегу Вычегды.

В начале шестидесятых капитально отремонтировали городскую больницу, впервые создали детскую и женскую консультации, зуботехническую и общеклиническую лаборатории, открыли при больнице аптечный киоск, физиотерапевтическое и туберкулезные отделения, появился флюорографический кабинет.

В шестьдесят восьмом году построили Дом быта, в котором работали и швейная мастерская, и фотоателье, и парикмахерская, и часовой мастер и все, чему полагается у нас работать в провинциальных домах быта. Парикмахер, между прочим, выезжал в близлежащие села для обслуживания сельского населения. Швейная мастерская у сольвычегодцев пользовалась повышенным спросом – горожане и особенно горожанки постоянно шили на заказ платья и верхнюю одежду. Оно и понятно – в то время купить что-то подходящее тебе по размеру, да еще и хорошего качества в магазине было не так-то просто. Мастерская обшивала не только сольвычегодцев, но и сельских жителей и даже курортников. Время от времени в городском Доме культуры устраивали показ новых моделей одежды, а для курортников проводился специальный Ситцевый бал. Только представьте себе, как сольвычегодские модницы приходили в мастерскую с каким-нибудь срисованным из модного советского или даже заграничного журнала фасоном платья или блузки, как умоляли портних держать его в секрете от знакомых, как потом, увидев похожее – отложной воротник или жакет на соседке (а в таком городке как Сольвычегодск соседками считаются все), ссорились навсегда до следующего платья...

### **Набережная имени Аники Строганова**

К тому моменту, когда в конце восьмидесятых все начало трещать и разваливаться, в Сольвычегодске все было – и хлебозавод, и маслозавод, и лимонадный цех, и молодые поросята, и радио, и булки с маком и повидлом, и вылавливаемая горпо рыба, и лимонные бублики, и бальнеологический курорт, и швейная мастерская, и ремонтно-механический завод, и совхоз «Сольвычегодский», снабжавший город молоком, мясом и овощами, и аэродром, взлетев с которого на АН-2 можно было долететь до Котласа меньше чем за десять минут, и педагогическое... а вот училища уже не было – его закрыли в пятьдесят шестом. Совхоз в девяносто втором реорганизовали в акционерное общество закрытого типа «Сольвычегодское». Бывшие у него на балансе детский сад «Солнышко» и Дом культуры передали на баланс муниципалитета. То, что осталось от реорганизации, расчленили на более мелкие предприятия, и потом, в середине двухтысячных, они, как и акционерное общество чуть раньше, тоже были доведены до ручки. Сольвычегодское горпо продержалось до двенадцатого года, а хлебозавод приказал долго жить в третьем году. Тогда же закрылся и маслозавод. В девяностых стали реорганизовывать ремонтно-механический завод и окончательно его угробили к четырнадцатому году третьего тысячелетия. Больницу, в штате которой работало сто двадцать человек, девять врачей и было сто коек в стационаре, закрыли в двенадцатом году<sup>104</sup>. Теперь в Сольвычегодске только поликлиника. Принимают два врача – терапевт и педиатр. Первичную помощь оказывают фельдшеры. Хочешь попасть к хирургу или гастроэнтерологу – отправляйся в Котлас или в Коряжму. Девятнадцатый век... Родильное отделение вместе с хирургическим и инфекционным тоже закрыли. Теперь рожать нужно ехать в Котлас или даже в Архангельск.

Будущие мамы стараются лечь в котласский перинатальный центр заблаговременно. Потому как и в ближний Котлас, и за тридевять земель в Архангельск рожать повезут по дороге, а она после переправы через Вычегду такая, что родить можно и не доезжая до места. Осенью и весной после дождей по дороге в Коряжму просто не проехать – в непролазной грязи вязнут даже фуры, не говоря о легковых машинах.

Газеты городской теперь тоже нет. В первой половине девяностых после долгого перерыва на волне гласности попытались издавать «Сольвычегодские вести», но продержалась она четыре года. Как всегда, не хватило денег на продолжение издания. Теперь новости из жизни Сольвычегодска можно прочесть в котласской газете «Двинская правда» или в коряжемской «Трудовая Коряжма». Тогда же, в начале девяностых, существовала радиопрограмма «Сольвычегодские вести», которая тоже, как и газета, закончилась в девяносто четвертом году из-за отсутствия финансирования и технического износа системы проводного вещания, оставшегося еще от советской власти. Еще и полиции нет. Есть участковый, но, если что... звоните в Котлас.

Аэродром умер в начале девяностых из-за подорожания авиационного керосина, из-за того, что государство перестало субсидировать местные авиалинии, из-за того, что нужно было поддерживать в порядке грунтовую взлетно-посадочную полосу, деревянное здание аэровокзала, а денег у местной администрации...

В девяносто восьмом власти решили на месте аэродрома построить торфобрикетный завод. Намерения были самые благие – обеспечить город и округу дешевым топливом. Надеяться на то, что проведут газ, тогда не приходилось, а торфа вокруг, можно сказать, куры не клюют. Везти его, как уголь, за тридевять земель не нужно. Торф, как известно, образуется на болотах, а болот вокруг Сольвычегодска всегда было более чем достаточно. Топить торфом куда экологичней, чем топить углем. Кроме того, появятся новые рабочие места, что для маленького городка на другом берегу Вычегды немаловажно, но... гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Овраг, собственно, был всего один, но большой – отсутствие денег. Местных средств не то чтобы не хватало – их и не было, а администрация Котласского района, к которому приписан Сольвычегодск, не очень-то и хотела раскошеливаться. Через три года областная администрация денег все же дала, и тогда дело с мертвой точки сдвинулось – первую очередь завода с грехом пополам запустили. На открытие приехал из Архангельска сам губернатор. Как вспоминали потом сами сольвычегодцы, «Все безработные Сольвычегодска были собраны на заводе. Каждому выдали по лопате и велели рыть ямы. Безработные изображали перед высокой комиссией рабочих завода. Когда комиссия уехала, ямы зарыли, а каждому рабочему выдали по пятьдесят рублей». Прошло еще почти два года, и к октябрю третьего года завод сдали, хотя и с существенными недоделками. Тут начали выясняться разные интересные подробности, о которых раньше никто не знал. При двадцатиградусном морозе, а он в тех краях куда чаще, чем двадцатиградусное тепло, механизмы замерзали и переставали работать. Завод был спроектирован для средней полосы, а построили его куда севернее, чем следовало. Мало того, завод поставили у неосвоенных болот, и приходилось везти торф с уже освоенных болот за девятнадцать километров от завода. Не хватало машин, чтобы подвезти сырье. Еще и оборудование поставили не все – нечем было торф дробить и сортировать. К августу девятого года, предприятие, успевшее выпустить с момента запуска триста тонн торфяных брикетов, которые купила местная школьная котельная, обанкротилось и продано за копейки. Новый собственник вложил в завод деньги, закупил новое оборудование и с одиннадцатого года предприятие должно было производить торфяные брикеты круглогодично, но... упал спрос и на полную мощность завод так и не вышел, а в марте двенадцатого года несчастный завод и вовсе загорелся. Высушенный торф в брикетах горит хорошо и потому сгорел не только склад, но и новое, недавно установленное оборудование. То ли электропроводка была неисправна, то ли кто-то склад с готовой продукцией поджог...

Оставим обгорелые руины торфобрикетного завода без сожаления, тем более что в двадцать пятом году в Сольвычегодск после многих лет ожидания наконец-то пришел



газ<sup>105</sup>. От газораспределительной станции в поселке Вычегодский на котласском берегу Вычегды методом горизонтально-направленного бурения проложили трубы под дном реки к Сольвычегодску. Два года прокладывали – сначала все шло хорошо, потом буровой головкой наткнулись на огромные валуны<sup>106</sup> под дном реки, потом сломали ее, потом долго вытаскивали, потом починили, потом настоятель Благовещенского собора освятил буровую установку вместе с буровой головкой, потом снова сломали, и уже после того, как снова починили, довели дело до конца. Теперь над Сольвычегодском, как когда-то над Лондоном, не будет висеть зимой смог от угольных котельных, нет копоти на стенах соборов, не будет пахнуть дымом, что для курортного городка, каким стал Сольвычегодск, немаловажно<sup>107</sup>. Теперь гораздо удобнее и проще подогревать лечебную грязь и минеральную воду. Теперь и в городских соборах, которые вместе с курортом являются, так сказать, градообразующими предприятиями Сольвычегодска, можно будет с помощью газового отопления поддерживать нужный температурный режим для сохранения уникальных фресок и иконостасов.

На этом месте и закончим рассказ о Сольвычегодске, чтобы не писать дежурных слов о том, как похорошел в двадцать первом веке старинный русский город, как приятно пройти по новенькой с иголочки набережной имени Аники Строганова вдоль широкой и стремительной Вычегды, как уверенно смотрят в будущее сольвычегодцы, как под сводами Благовещенского собора... нет, писать этого мы не будем. Тем более что будущее, в отличие от советских времен, теперь у всех разное – у той молодежи, которая уезжает из Сольвычегодска получать образование или в поисках работы<sup>108</sup> одно, а у тех, кто остается – совсем другое. Скажу только, что как ни уезжай из Сольвычегодска, уехать из него насовсем не получается. Бог знает почему. С одной стороны, маленький Сольвычегодск в душу не лезет как какой-нибудь Париж или Нью-Йорк. В глаза тебе не заглядывает, купить ничего не предлагает. Не мельтешит и не сверкает огнями рекламы. С другой стороны – он просто рядом с тобой. Маленький северный город – скромный и немного застенчивый. Настанет пора прощаться – утром встанешь пораньше, сядешь на паром, переплывешь Вычегду, обернешься, помашешь рукой Благовещенскому собору и укажишь в свою Москву или Питер, или Хабаровск, а через полгода или через год вдруг проснешься среди ночи на каком-нибудь двенадцатом этаже от того, что Сольвычегодск смотрит на тебя с того берега. Закроешь глаза – смотрит. Поворочаешься с боку на бок и уже засыпая станешь думать – ангелы на фресках Благовещенского собора писаны с натуры или нет? Не может быть, чтобы не с натуры. То есть потом, конечно, их писали по рассказам тех, кто видел, а то и по рассказам тех, кто слушал рассказы тех, кто встречался с теми, кто видел, но тогда, при Строгановых...

### Примечания

<sup>80</sup>29 марта 1917 года «Вологодский листок» сообщил, что «По постановлению Временного Губернского комитета арестованы и заключены в тюрьму: управляющий типографии “Вологодского Листка” Навродский, рабочие Вологодских Главных железнодорожных мастерских Цимахович, Кленин и рабочий депо Няндомы Коншин. По сведениям, добытым при разборе дел жандармского управления, оказалось, что эти лица были провокаторами, т.е. за деньги поставляли в жандармское управление сведения обо всем, что делается среди рабочих в типографиях и в общественных организациях; сами же продолжали принимать во всем революционном движении, которое они продавали, самое горячее участие. Арестованные трое провокаторов сознались в своем предательстве, Навродский же отказался от всяких объяснений».

<sup>81</sup>В «Голосе бедняка» в декабре девятнадцатого года было напечатано объявление под названием: «Отречение от партии левых эсеров»: «Состоя в партии левых эсеров с 1908

г. ныне прерываю всякую связь с последней и вступаю в РКП(б) в чем и подписуюсь. И. Зиновьев».

<sup>82</sup>В конце марта восемнадцатого года на общем собрании крестьян Нижнетоемской волости Сольвычегодского уезда было решено замеченного в самогоноварении сажать под арест на трое суток и отбирать у него весь запас хлеба, выдавая на продовольствие по 25 фунтов в месяц.

<sup>83</sup>По предложению представителей Двинских волостей Второй съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов принял принципиальное решение о разделении Сольвычегодского уезда на два. Причина была одна – слишком большие расстояния (400 верст) от своего административного центра и связанные с этим многочисленные неудобства. Вопрос о том, где будет находиться новый уездный административный центр и как он будет называться, решен на съезде не был.

<sup>84</sup>По всей видимости в газете «Голос бедняка» корректора не было, и все, что приносилось в газету или писалось ее корреспондентами, печаталось в том виде, в котором приносилось и писалось. В том же виде, с той же орфографией, я привожу эти материалы здесь. Поэтому, если вы читаете «етой» или «плотите», или «призидиум» – знайте, что в девятнадцатом году было напечатано именно так и никак иначе.

<sup>85</sup>В биографии Ильи Ивановича Томского, несмотря на все усилия сольвычегодских краеведов еще достаточно белых пятен. Известно, что Томский его ненастоящая фамилия, что родился он в Сольвычегодске, в 1893 году у крестьянина Тотемского уезда Ивана Ильича Тыкина и его законной жены Юлии Петровны, что в 1915 году по окончании Петроградской духовной семинарии Илья Тыкин стал студентом Петроградской духовной академии, но проучился в ней всего лишь год, а следующие два года он уже юнкер и затем подпоручик 2-й Петергофской школы прапорщиков. По всей видимости получить высшее богословское образование ему не удалось, поскольку заочно в Петроградской духовной академии можно было учить только с четвертого курса, да и в семнадцатом году диплом о таком высшем образовании... В 1918 году Илья Тыкин появляется в Сольвычегодске под фамилией Томский и работает поначалу как инструктор по внешкольному образованию и археолог-любитель. Впрочем, на этой работе он пробыл недолго и вскоре стал заведующим Подотдела по музейным делам и охране памятников искусства и старины, организованном по его же инициативе. От имени Подотдела церковноприходским общинам и владельцам особо ценных памятников искусства были выданные охранные грамоты. Усилиями Томского были поставлены на учет и государственную охрану практически все известные на тот момент памятники архитектуры Сольвычегодского уезда. Многие из этих памятников да нашего времени не сохранились, но они остались в фотографиях и рисунках, сделанных в краеведческих экспедициях, инициатором и организатором которых был Томский.

Сохранился любопытный документ, датированный январем двадцатого года и подписанный заведующей отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения Натальей Седовой-Троцкой, в котором отдел обращается в Сольвычегодское Бюро по распределению предметов первой необходимости с просьбой «не отказать выдать ордер на право приобретения костюма и пальто заведующему Сольвычегодским Подотделом по охране памятников искусства и старины И.И. Томскому, так как по роду своей службы т. Томский находится в частных и продолжительных командировках, а единственный костюм и пальто т. Томского пришли в крайнюю ветхость, а посему отказ в получении ордера поставит т. Томского в критическое положение и лишит возможности производить полезную и ответственную работу. Возложенную на него центральным органом рабоче-крестьянского правительства». Видимо, Илья Иванович был знаком с женой Троцкого лично, а не просто как подчиненный. Можно предполагать, что это опасное знакомство и подтолкнуло Томского уволиться по собственному желанию с поста директора музея летом двадцать четвертого года, когда у мужа Натальи Седовой начались неприятности, и уехать в Ленинград. О дальнейшей судьбе Ильи Ивановича неизвестно ничего.

<sup>86</sup>С пьесами при новой власти были сложности. Поскольку новых пьес о новой жизни было... да почти и не было, приходилось ставить старые, написанные в эпоху самовластья. Чему, спрашивается, такие пьесы могли научить нового советского человека, который еще толком не отрекся от старого мира и не отряхнул его прах со своих ног? Кто объяснит зрителю, что такое хорошо и что такое плохо? Нашелся в Сольвычегодске человек, который об этом задумался и написал в газету «Голос бедняка» заметку «Наше мировоззрение» в апреле двадцатого года. «В гор. Сольвычегодске оживляется клубная и просветительская деятельность. Но ввиду недостатка революционных пьес, часто приходится ставить пьесы буржуазного и даже черносотенного характера. Такие пьесы, как “Сокол и Вороны”<sup>\*</sup> и “Сокровище”<sup>\*\*</sup> безусловно не могут быть поставлены без оговорки. Это делается по всей Советской Республике в виде “вступительного слова” к пьесе, где поясняется ее смысл для наблюдающих трудовых слоев и говорится, что хорошо и что не хорошо, что соответствует пролетарскому мировоззрению и что противно ему. Это обязательно необходимо ввести и у нас. Правление клуба моряков имени Зиновьева вводит особую редакционную комиссию, которая во время спектаклей и литературно-художественных вечеров освещала бы с классовой точки зрения представляемую вещь».

<sup>\*</sup> «Соколы и вороны» – любовная драма в двух действиях А.И. Сумбатова-Южина.

<sup>\*\*</sup> «Сокровище» – семейная драма в пяти действиях и шести картинах К.В. Назаревой

<sup>87</sup>Сейчас, через сто с лишним лет, в Сольвычегодске нет книжного магазина. Закрылся он в девяностых. Конечно, теперь есть интернет и любую книгу можно скачать, да и в таком маленьком городке читателей не наберется столько, чтобы книжный магазин мог хотя бы свести концы с концами, но... книжного магазина нет.

<sup>88</sup>Каменщикам, которые проводили ремонтные работы в здании бывших присутственных мест, за их ударный труд подарили материю на рубашки и по десять мотков ниток каждому.

<sup>89</sup>Эту заметку из «Голоса бедняка» под заголовком «Труженики советские», напечатанную в августе девятнадцатого года, к новостям культуры формально отнести нельзя, но... если мы про живую жизнь, а не про высушенное краеведение, то лишней она не будет. «Не так давно мне пришлось быть по делам службы в Управлении Сольвычегодской Уездной Советской Милиции. За пишущей машинкой сидела и с большим усердием работала машинистка Попова. Я поинтересовался и спросил ее, что она работает? Она мне показала какие-то любовные стишки. Я спросил для чего ей такие вещи? На что Попова ответила, что нужны и у ней их много напечатано. К моему удивлению, Попова выложила из стола несколько листов и полулистов, запечатанных стишками на пишущей машинке, и сказала, нисколько не стесняясь, что у ней еще дома больше этого! Я невольно подумал: “вот так труженица!” Честные работники советских учреждений все силы напрягают, работая ввиду массы спешной работы и неимения технических работников, а почтенная Попова, имеющая, очевидно, неиссякаемый источник любви к мужчинам, занимается печатанием любовных стишков во время работы...».

<sup>90</sup>Конечно, крестьяне не могли открыто сопротивляться продразверстке, но некоторые... В декабре двадцатого года «Борьба и труд» опубликовала заметку под названием «На черную доску»: «Корниловская волость. При сдаче продуктов по обязательной поставке гражданин дер. Чеды Анастасия Баскакова вместо масла принесла ком вареной картошки, смешанной с мукой и облепленной маслом; гр. дер. Мартюковской Илья Вас. Баскаков при выполнении поставки положил в масло для тяжести два камня; гр. дер. Корниловской Александра Филипповна Тропина пыталась сдать вместо овечьей шерсти измельченный и расшингованный старый войлок. Безусловно подлость нечестных граждан была обнаружена, и от них потребованы чистые продукты. Стыд, срам и позор гражданам, дающим государству вместо хлеба камень. Не уйти вам от суда народного, общественного, от суда тех односельчан, которые честно выполняют поставку, от суда

наших братьев красноармейцев, отдающих свою жизнь на спасение революции и Советской Власти».

<sup>91</sup>Тогда же газета опубликовала стихотворение, написанное Стефанидой Баскаковой, посвященное уклонистам.

Записался в коммунисты, да одно не вынес:  
Стали требовать на фронт –  
Из коммуны вылез.  
Что же, это не позор,  
Что от такой напасти  
Стал отвиливать хвостом  
Представитель власти.  
«Наказанья же ведь нет  
Мне за то на свете.  
Правда, назвали разок  
Шкурником в газете.  
Я отделался легко:  
Так же в комитете.  
Как и раньше, я служу  
Главарем в Совете.  
На бумажке построчить  
Мне не надоело.  
Сыт, в тепле, обут, одет –  
До других нет дела».  
Коммунистов бы таких  
Следует за это  
Грязной вымести метлой  
Вон из комитета.

Нужно сказать, что стихов в редакцию «Голоса бедняка» присылали много. Чаще всего редакция отвечала сольвычегодским поэтам так, как отвечают почти все редакции почти всем начинающим поэтам. Вот один из таких типовых ответов: «Смирину К. Стихи не пойдут – набор слов. Пишите еще прозой».

Вот другой, похожий не столько на рецензию, сколько на строгое предупреждение или даже угрозу, напечатанный в газете «Борьба и труд» в марте двадцать первого года: «Почтовый ящик. Стелла Бордо. От всех ваших стихов, как от навозной бочки, разит белогвардейщиной. Не радуйтесь, ибо “коты” уже придавлены у нас все, а также доходит очередь и до заграничных. Спасибо за приписочку “пожалуйста извините, если что неладно”. Не вздумайте натянуть мне нос: я пишу самым невинным образом, без всякого злого умысла. Если бы было действительно “невинно и без умысла”, то нечего бы и опасаться за свой пухленький белогвардейский носик. А разговор двух белогвардейцев “Лисы и волка” действительно замечателен. Волк “смирненно и признать готов, что незримо миром правит бог”. Ему даже насмешливые слова Лисы о воле невыносимы: “дальше слушать стало больно”, а потом “да одно еще обидно, что нашу правду только видно на бумаге и в словах, а на деле – все промах”. В ответ на это Лиса, долженствующая быть, по смыслу басни, защитницей мужиков, говорит: “Кум милый, спорить я устала”. И тут лиса захохотала. Хорош защитник! А ведь такие защитники, к сожалению, есть и к ним, видимо принадлежит автор Бордо. Советуем ему действительно отправиться во Францию, в Бордо: там белогвардейцев любят».

<sup>92</sup>О бурной жизни в клубе Красной армии в декабре двадцатого года писал «Голос бедняка»: «Позорные выходки. Возвращаются из клуба красармии (7 декабря) две подруги, а к ним подлетает компания моряков с настойчивым предложением познакомиться, но компания получила ответ: “Мы вас не трогаем, и вы к нам не приставайте”. Тогда моряки

обругали их всевозможными словами. Стыд и позор товарищам морякам! Вы, как люди, более сознательные, должны действовать на других добрым примером, а не позволять себе подобные выходки. Подслушавший».

Ответ на заметку «Позорные выходки» не заставил себя ждать.

«Я спешу в ответ “Подслушавшему”, что “к двум подругам” подлетела не компания, а одна личность, за которую не могут отвечать все моряки. “Подслушавший” выписал не полный ответ “двух подруг”, вероятно по знакомству забыл слово “хулиганы”, которое и вызывало взрыв ругани оскорбленного т. моряка. Позор моряку, пристававшему к барышням, но еще больший позор обывателям г. Сольвычегодска, называющим моряков хулиганами. Видевший».

<sup>93</sup>«Голос бедняка» писал в апреле двадцатого года: «5 апреля сего года против Клуба имени Ленина найден серебряный золоченый медальон с тремя отверстиями для камней и портретами внутри Ленина и Коллонтай. Владельца прошу обратиться в Уездвоенкомат к квартирмейстеру Лазареву.

<sup>94</sup>Перед открытием съезда уездный комитет РКСМ опубликовал обращение к сольвычегодским коммунистам, в котором, в частности, писал: «Молодежь страдает, молодежь рвется к новому светлому будущему, она жаждет его. Не тайна ни для кого, что молодежь ради удовольствия быть в Коммунистическом Союзе подвергается всяким гонениям со стороны родителей. Бедный юноша за то, что он хочет учиться, хочет новой жизни, вступает в свой союз, по несколько дней оставаясь совершенно без пищи, изгнанный из дома. Неужели у кого-нибудь хватит низости пройти мимо таких фактов? Так помогите же, помогите этому бедному юноше деревни. Объясните крестьянину значение Союза и то преступление, которое он делает своим противодействием».

<sup>95</sup>Если репрессированных жителей Сольвычегодска десятки, то уроженцев города и уезда, живших в других городах, селах, поселках и попавших под каток сталинских репрессий, едва ли не на порядок больше.

<sup>96</sup>Осадники – польские колонисты, как военные, так и гражданские, которых правительство Польши переселяло на приграничные территории Западной Украины и Западной Беларуси в межвоенный период (1920-е и 1930-е годы). После присоединения Западной Беларуси и Западной Украины к СССР в 1939 году, многие осадники и их семьи были депортированы в отдаленные районы Советского Союза и находились там на положении спецпоселенцев.

<sup>97</sup>Горпо – городское потребительское общество.

<sup>98</sup>Словно издеваясь над сольвычегодцами, пекарня Сольвычегодского горпо в марте сорок девятого дала объявление в газету о том, что «принимает заказы на выпечку хлеба в неограниченном количестве из всех сортов муки на давальческих началах».

<sup>99</sup>Собирать клюкву, морошку и грибы в окрестностях Сольвычегодска было в те времена небезопасно. Вероятность повстречать медведя, волка или даже стаю волков была довольно высокой. За каждого убитого волка выплачивалась премия в пятьсот рублей. Местная газета время от времени печатала объявления о том, что тот или иной охотник получил премию за убитого волка. Кроме того, за сданную шкуру волка можно было получить еще от восьмидесяти до ста рублей. На районных совещаниях охотники принимали социалистические обязательства за сезон охоты, кроме обычной сдачи пушнины, непременно уничтожить одного хищника.

<sup>100</sup>В районе советская торговля мало чем отличалась от городской. Корреспонденты «Сталинского пути» сообщают в ноябре пятьдесят второго года из Рябовского сельсовета, входившего тогда в Сольвычегодский район: «На днях в магазин по накладной поступил тюль и эмалированные тазы, но в продаже их не было, и куда они исчезли непонятно. Обо всем этом хорошо известно председателю сельпо т. Горнову, но последний при попустительстве своего районного начальства из райпотребсоюза на все жалобы трудящихся не обращает никакого внимания».

Гражданин Горнов плохо кончил. Работая председателем Новиковского сельпо, укрывал растратчиков за что судом был приговорен к исправительно-трудовым работам. Это его не остановило. Во время перевозки муки сам продал семь мешков, а деньги положил себе в карман. В подведомственных ему магазинах Новиковского сельпо у завмагов обнаружились растраты на тысячи рублей, и при этом они продолжали работать. В конце концов Горнов и одна из подчиненных ему завмагов-растратчиц получили по пять лет лишения свободы.

<sup>101</sup>Теперь в Сольвычегодске нет ни дома инвалидов, ни дома престарелых. Воскресни сегодня Алексей Космич Жданов или Иван Степанович Хаминов, пожертвовавшие Сольвычегодску капиталы и дома для богаделен, им и показать-то нечего будет. Вот только и сможем посоветовать поехать в Котлас или в Коряжму. Там есть, а в Сольвычегодске...

<sup>102</sup>В этом диафильме, автором которого был профессор Степанов, а консультантом профессор Добрынин, под рисунком Кукрыниксов, где Пульхерия Ивановна кормит кур, а Афанасий Иванович наблюдает за ней с крыльца их домика, написано: «В “Старосветских помещиках” Гоголь рисует тусклую и бессодержательную жизнь мелкопоместных дворян, в которой приобретают уродливый характер даже хорошие задатки человека».

<sup>103</sup>С культурой это событие (которое кому-то покажется и не событием вовсе) никак не связано, а, скорее, является косвенным (и очень) признаком того, что жить в середине пятидесятых Сольвычегодске стало лучше, жить стало веселее. Пусть этот факт останется в примечаниях. В «Знамени ленинизма» в декабре пятьдесят седьмого года появилось объявление: «Срочно требуется Сольвычегодскому горпо для работы в ресторане швейцар». Теперь ресторана в Сольвычегодске нет. Есть небольшое кафе при столовой бальнеологического курорта. Ассортимент там небогатый, но пельмени и сосиски сварят, яичницу приготовят, кофе или чай нальют. Летом там можно посидеть с чашкой чаю на крошечной веранде. Если, конечно, предварительно как следует обрызгаться каким-нибудь репеллентом.

<sup>104</sup>Само здание земской больницы, к счастью, не забросили и не разобрали по бревну – его выкупила местная предпринимательница, привела в порядок и устроила в нем гостевой дом.

<sup>105</sup>За проведение газа в Сольвычегодск на протяжении ряда лет сражался, не жалея сил, мэр города Андрей Сергеев. Скорее всего, он бы и разрезал ленточку на открытии новой городской газовой котельни, кабы осенью двадцать третьего года Котласский городской суд не признал его виновным в получении взяток в крупно и особо крупном размерах. В котласских, конечно, масштабах. Мэр получал деньги от бизнесменов за помощь в получении муниципальных контрактов (например, на ремонт тротуаров) и общее покровительство. Общая сумма взяток превысила 2,5 млн рублей (часть из них он получить не успел из-за задержания, но ему их, что называется, зачли). После задержания, которое как на грех произошло в тот день, когда Сергеев должен был открывать в Сольвычегодске отреставрированный арестный дом девятнадцатого века, мэр вину признал, стал сотрудничать со следствием, был отпущен под подписку о невыезде и... немедленно скрылся в неизвестном направлении. Одни сольвычегодцы говорят, что в Турцию, где у него загодя была куплена квартира, а другие, что в США. Впрочем, ни то, ни другое проверить нельзя. Как бы там ни было, а мэру заочно присудили семь с половиной лет лишения свободы в колонии строгого режима и штраф в размере девяти миллионов рублей.

<sup>106</sup>Конечно, прокладке труб предшествовал проект, в котором предусматривалось детальное изучение дна Вычегды в районе предполагаемых работ. Заказчиком и проектировщиком выступали различные структуры «Газпрома». Проектировщики, если они действительно изучали дно Вычегды, должны были выяснить, что еще со времен ледникового периода там лежат огромные валуны. О том, что Вычегда в тех местах течет через многочисленные пороги и валуны, известно давно. Каких-то особенных приборов для обнаружения этих валунов не нужно – достаточно было с обычным эхолотом проплыть по

Вычегде в районе прокладки труб. Почему это не было сделано... Кстати, такие валуны заложены в фундамент Благовещенского собора. Про это тоже было известно давно.

<sup>107</sup>Бальнеологический курорт, который с тридцатых годов до девяностых помещался в доме Пьянковых, как только не стало профсоюзных путевок и поток желающих поправить здоровье сильно обмелел, переехал в более скромное здание, впрочем, хорошо обустроенное. Поначалу в опустевший дом Пьянковых въехали несколько маленьких магазинов, а во внутреннем дворе образовался стихийный рынок, но потом и их не стало. В 2015 году государство выделило большую сумму денег на реставрацию этого памятника архитектуры федерального значения. Освоили только треть выделенного – отреставрировали фасад с северной стороны, ограду и здание арестного дома. В следующем году стали продолжать, но сменился собственник здания – из федеральной собственности он перешел в региональную, а вот деньги на его реставрацию в региональный бюджет не перешли, потому что по условиям федеральной программы «Культура России» реставрировать можно только памятники федерального значения. То есть можно и региональные, но за деньги региона, а откуда региону взять пятьсот миллионов необходимых для окончания ремонта... Поэтому дом Пьянковых пока стоит без ремонта и мало-помалу приходит в полное запустение. Снаружи-то он еще ничего, особенно, если рассматривать его издали, а как проберешься внутрь...

<sup>108</sup>Всем на курорт или на почту не устроиться работать, да и зарплаты там даже у врачей, не говоря о медсестрах... а потому мужчины едут в соседнюю Коряжму помощниками машинистов и грузчиками на целлюлозно-бумажный комбинат, в Котлас, на железнодорожный узел путейцами, ремонтниками, уборщиками подвижного состава и охранниками, а женщины в Коряжме и Котласе устраиваются продавцами в магазинах. Кроме тех, кто едет дальше – в Архангельск, Вологду, Питер и Москву.

## Библиография

А. И. Соскин. История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен, сочиненная Алексеем Соскиным, природным мещанином сего города Соли-Вычегодской, в бытность его в Соли-Вычегодском городском магистрате членом-ратманом. – Сыктывкар, 1997. – 190 с.

Н. Скворцов. Взгляд на исторические события, имевшие влияние на промышленность, торговлю и состояние жителей Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1866. № 37. С. 369

Городские поселения в Российской империи. Т. 1. С.-Петербург, 1860. - [4], XVI, 465, [2] с. С. 342

Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб, 1780. С. 290.

П. Г. Доронин. Из Вычегодско-Вымской летописи // Документы по истории Коми: Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257.

О. В. Овсянников. Усолъе Вычегодское // Средневековые города Архангельского севера: Люди. События. Даты. – Архангельск, 1992. – 349 с. С. 278–346

О. В. Овсянников, М. В. Рождественская. Сольвычегодский летописец как историко-архитектурный и археологический источник // Вспомогательные исторические дисциплины, XXII / отв. ред. А. Шишкин – Ленинград: Наука, 1991. – 282 с.

Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. – СПб, 1908. – 383 с. С. 116.

Е. В. Краснова. Археологическая разведка в округе г. Сольвычегодска в 1991 г. // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (к 500-летию г. Сольвычегодска): Межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар: СыктГУ, 1992. С. 87–92.

- И. К. Степановский. Вологодская старина: Историко-археологический сборник. – Вологда, 1890. – 591 с. С. 371
- П. Сорокин. Город Сольвычегодск в XVII в. // Записки Русского археологического общества. т. 8. СПб., 1856, приложения. С. 43–56.
- Б. Я. Розен. Северная соль. Архангельск, 1957. – 135 с.
- А. А. Введенский. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. – М., 1962. – 308 с.
- С. Г. Шейдаева. Лексика солеварения и ее отражение в именах собственных // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология», 2017. Том 27. вып. 2. С. 249–261.
- А. А. Введенский. Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. – Петербург, 1922. – 459 с. С. 90–113.
- Ф. Протопопов. Записки, веденные по топографо-исторической части учителем Сольвычегодского уездного училища Протопоповым в первую половину 1813 года. – Москва, 1814. – 51 с.
- Е. И. Заозерская. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. – 477 с.
- Е. Н. Швейковская. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. – М., 2012. – 368 с.
- В. А. Ешкилев. Сольвычегодск и памятники его былой культуры // Историко-культурный очерк. Великий Устюг. 1926. – 40 с.
- В. А. Попов Сольвычегодская старина. // Сольвычегодская старина: Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. – Сыктывкар, 1994. – 203 с. С. 59–199.
- В. В. Игошев. Строгановские мастерские серебряного дела в Сольвычегодске в XVI – XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (68). 2017. С. 122–144.
- В. В. Игошев Драгоценные вклады Строгановых во второй половине XVI – начале XVII века в храмы и монастыри Великого Устюга // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. 2014. № 2 (14). С. 59–82.
- В. И. Троицкий. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Л., 1928. Вып. 1.
- В. А. Булкин, О. В. Овсянников. Сольвычегодские соборы // Памятники Архангельского Севера: Сборник / Сост. А.А. Куратов; вступ. ст. М. И. Меньшикова. – Архангельск. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1991. – 286 с., 16 л. ил.
- Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Резун Д. Я., Шиловский М, В.: Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-та истории, филологии и философии, Ин-т истории. – Новосибирск, 2005. – 193 с.
- М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. – М., 1909. т. 1. – 322 с.
- М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Деятельность земского мира; Земство и государство. М., 1912. т. 2. – 311 с.
- Об укрепленных местах Сольвычегодского уезда в XVII веке // Вологодские губернские ведомости. 1853. № 25. С. 214–215.
- Об укрепленных местах Сольвычегодского уезда в XVII веке // Вологодские губернские ведомости. 1853. № 26. С. 222
- Т. И. Осьминский, Н. В. Озеринин, И. И. Брусенский. Очерки по истории края. Вологодская область. – Вологда, 1960. – 456 с.
- О нашествии поляко-литовцев на Сольвычегодск, в январе 1613 года. Отпись из Сольвычегодска в Спасоприлуцкий монастырь // Вологодские губернские ведомости. 1862. № 49. С. 185.



Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве Т. 1: Акты 1587–1627 гг. / собр. и ред. С. Веселовский. – М., 1913. С. 400

Рынок Устюга Великого. XVII век // Мерзон А. Ц. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век) / А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 133–324.

Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг., – М.; Л., 1951. т. 3. – 898 с.

Описание документов московских Приказов. Приказные дела старых лет 1642, 1643 годы / Подготовил А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2021. 426 с.

Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет 1644 год / Подготовил А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2022. 522 с.

Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет 1627–1629 годы / Подготовил А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2023. 610 с.

Описание документов московских приказов. Приказные дела старых лет 1630, 1631 годы / Подготовил А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2024. 634 с.

О пожаре в г. Сольвычегодске, бывшем сентября 24 числа 1656 г. // Вологодские губернские ведомости. 1864. – №32. С. 102–103.

И. И. Лепехин Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина академика и медицины доктора по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб., 1780. С. 290–295;

Б. П. Иноходцев. Описание городов Великоустюжской области с их округами // Месяцеслов исторический и географический на 1793 год. – СПб., 1792. – 122 с. С. 27–37.

Р. В. Макарова. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. – М., 1968. – 200 с.

В. Н. Аров. «Лиша чинов... сослать в Камчатку» // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003. №2. С. 53 – 68.

С.И. Вахрин. Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. Книга третья. – Петропавловск-Камчатский, 2023. – 1000 с.

С. И. Вахрин. Встречь солнцу. – Петропавловск-Камчатский, 1996. – 350 с.

А. А. Филатов. Политическая ссылка в Сольвычегодске (середина XIX – начало XX вв.). – Архангельск, 2019. – 160 с.

Илья Юницын // Северная пчела. 1834. №78. С. 510–511

О преимуществах, дарованных по Высочайшему повелению чиновникам, определяющимся на службу в уезды Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский // Вологодские губернские ведомости. 1838. №4. С. 25–26.

О определении к должностям, о производстве в чины и о наградах // Вологодские губернские ведомости. 1838. №7. С. 49

Сравнительная ведомость о ценах на разные предметы рыночной торговли // Вологодские губернские ведомости, 1838. №8. С. 57 – 66.

О. А. Плех. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. – 400 с. С. 396–397.

Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. – М., 1958. – 848 с. С. 26.

Перемещение Сольвычегодских Присутственных мест во вновь устроенное здание. // Вологодские губернские ведомости. 1844. №42. С.423–424.

О продаже имений. // Вологодские губернские ведомости, 1846. - №39. С.168 – 169.

Сольвычегодск. // Вологодские губернские ведомости, 1846. - №29. С.295 – 296.

Краткий статистический взгляд на город Сольвычегодск // Вологодские губернские ведомости. 1847. №34. С.333–335.

Перечень заводов и фабрик в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1848. №37. С. 419.

Смета доходов и расходов по уездному г. Сольвычегодску на 1848 год // Вологодские губернские ведомости. 1848. Приложение к № 8. С.1–5.

Н. К. Отто. Материалы для истории учебных заведений министерства народного просвещения. Вологодская дирекция училищ до 1850 года. – Санкт-Петербург, 1866. – 198 с.

В. А. Сметанин «... может ныне служить примером для других» // Котласский курьер. 2013. №12 (278). С.18–19.

В. А. Сметанин. «... может ныне служить примером для других» // Котласский курьер. 2013. №13 (279). С.18–19.

Н. В. Пивоварова. Иконы Благовещенского собора Сольвычегодска по архивным документам и соборным описям конца XVI – XIX веков // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2015. Вып. 3. С 20–43.

Н. В. Пивоварова. «Дневные дозорные записи о московских раскольниках» как источник по истории икон Благовещенского собора Сольвычегодска: факты и вымысел // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации. – СПб, 2009. С. 101–111.

О продаже имений // Вологодские губернские ведомости. 1851. №9. С. 57.

Справочная книжка для Вологодской губернии на 1853 год. – Вологда, 1853. – 124 с. С.104,108,111, 124.

Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. –Вологда, 1854. – 227 с. С. 92

Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год. – Вологда, 1856. – 1, 7–86, 94 с. С. 33, 34.

О восстановлении городской богадельни в г. Сольвычегодске // Вологодские губернские ведомости. 1854. № 23. С. 238.

Высочайшая благодарность // Вологодские губернские ведомости. 1854. № 45. С. 475.

О продаже имений // Вологодские губернские ведомости, 1856. № 28. С. 271.

О продаже имений // Вологодские губернские ведомости, 1857. - № 8. С. 86.

Высочайшие награды // Вологодские губернские ведомости. 1858. № 2. С. 12.

В. Попов. О распределении цен на жизненные припасы по Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1861. № 11. С. 73.

Об отыскании имений и капиталов // Вологодские губернские новости. 1868. № 7. Прибавление к официальной части С.2.

Об отыскании лиц // Вологодские губернские новости, 1870. № 28. Прибавление к официальной части. С.7.

Из воспоминаний первого земского учителя в Сольвычегодском уезде // Вологодский листок. 1913. № 598. С. 4.

О найденном мертвом теле // Вологодские губернские новости. 1872. № 26. С.6.

О разыскании общества. // Вологодские губернские ведомости. 1874. № 61. С.3

Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. – Вологда, 1863. Вып. 1 – [2], 88, [1], 89-90, 3-189, 42, IV, [1] с., [6] л. табл. Вып. 2. – 170, [1] с., [1] л. табл.

Торги и подряды на разные предметы городского хозяйства // Вологодские губернские ведомости. 1861. № 6. С. 56.

Торги и подряды на разные предметы // Вологодские губернские ведомости. 1862. № 27. С.189.

Роспись города Сольвычегодска на 1871 год, // Вологодские губернские ведомости. 1871. - № 6 Приложение С.2

Распоряжения губернского начальства. // Вологодские губернские ведомости, 1863. № 42. С. 243.

Происшествия в губернии // Вологодские губернские ведомости. 1869. № 10. С. 94.

Подкинутые младенцы // Вологодские губернские ведомости, 1870. № 38. С5.

Дневник происшествий в Сольвычегодском уезде // Вологодские губернские ведомости. 1875. № 80. С. 4.

- Дневник происшествий в Сольвычегодском уезде // Вологодские губернские ведомости. 1875. № 20. С. 2.
- Из Сольвычегодска // Вологодские губернские ведомости. 1872. № 41. С. 7–8
- Нам пишут из Сольвычегодского уезда. // Вологодские губернские ведомости, 1874. - № 13. С. 3.
- Об ярмарках в Сольвычегодском уезде. // Вологодские губернские ведомости. 1869. № 18. С. 179.
- Молебствие в Сольвычегодске // Вологодские епархиальные ведомости, 1869. № 4 С. 159–160.
- Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. // Вологда, 1864. – [5], 154, [17], 46, [1], 61 с. [1] л. карт, [10] л. табл.
- Открытие сельского одноклассного училища в с. Черевкове Вологодской губернии Сольвычегодского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1870. № 54. С. 5.
- О действиях земских учреждений // Вологодские губернские ведомости. 1870. № 52. С. 10.
- Обзор действий земских учреждений // Вологодские губернские ведомости. 1874. № 80. С. 4.
- Высочайшее соизволение // Вологодские губернские ведомости. 1868. № 25. С. 239.
- Местный отдел // Вологодские губернские ведомости. 1875. № 16. С. 2.
- Город Сольвычегодск // Мирской вестник. Книжка 3, 1872. С. 63.
- Из Сольвычегодска. // Вологодские губернские ведомости. 1876. № 94. С. 4.
- А. М. Рогачев. Город Сольвычегодск во второй половине XIX – начале XX века // Двинская земля. Выпуск 3. Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвящённых 100-летию Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова 10-11 апреля 2004 года. – Вельск, 2004. С. 189–198.
- В. В. Верещагин. На Северной Двине. По деревянным церквям Издание второе. М., 1896. – 121 с. С. 2-4.
- Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 26 июня 1879 года // Вологодские губернские ведомости. 1876. № 59. С. 2.
- Историко-статистический обзор учебных заведений Вологодской губернии, состоящих в ведении Министерства Народного Просвещения. // Вологодские губернские ведомости. 1881. № 94. С. 2.
- О продаже имений // Вологодские губернские ведомости. 1880. № 16. С. 2.
- Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 28 февраля 1890 года // Вологодские губернские ведомости. 1895. № 7. С. 4.
- От Вологодского Губернского Правления // Вологодские губернские ведомости. 1895. № 7. С. 4.
- Отчет о деятельности Сольвычегодской Городской Управы и подведомственных частей за 1891 год // Вологодские губернские ведомости. 1892. № 36. С. 3.
- Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 9 октября 1891 года // Вологодские губернские ведомости. 1892. № 5. С. 4.
- Журналы Сольвычегодского Уездного Собрания первого очередного созыва седьмого трехлетия 1888 года. – Вологда, 1889. – 208 с.
- Н. А. Иваницкий Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Императорского русского географического общества. Выпуск I. – С.- Петербург, 1898. – 74 с.
- Извлечение из доклада чиновника по крестьянским делам Сольвычегодского уезда Флерова по вопросу о введении судебных уставов 1864 г. в полном объеме в пяти северо-восточных уездах Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1882. № 93. С. 1.

Движение населения Вологодской губернии за десятилетний период (с 1867 по 1877 гг.) // Вологодские губернские ведомости. 1880. № 8. С. 2.

Местные и городские известия. Г. Сольвычегодск // Вологодские губернские ведомости. 1900. № 250. С. 1.

Путешествие по Вологодской губернии и пребывание в ней Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Владимира Александровича // Вологодские губернские ведомости. 1885. № 29. С. 9.

Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 25 октября 1885 года. // Вологодские губернские ведомости, 1885. - №47. С. 6.

Из Сольвычегодска // Вологодские губернские ведомости. 1891. № 32. С. 5.

Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 16 мая 1891 года // Вологодские губернские ведомости. 1891. № 33. С. 4.

Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 19 января 1880 года // Вологодские губернские ведомости. 1880. № 13. С. 2.

Перечень определений Сольвычегодской Городской Думы от 28 октября 1880 года // Вологодские губернские ведомости. 1882. № 80. С. 2.

Празднование в городах Сольвычегодске, Красноборске и Сольвычегодском уезде Священного Коронования Их Императорских величеств // Вологодские губернские ведомости. 1898. № 28. С.8.

Посещение Его Императорским Высочеством Великим Князем Сергеем Александровичем Вологодской губернии 1 июня 1898 года // Вологодские губернские ведомости. 1898. № 27. С. 7,8.

Сольвычегодск, 29 мая 1876 г. // Вологодские губернские ведомости. 1876. № 46. С. 3.

Объявления и извещения // Вологодские губернские ведомости. 1885. № 44. С. 5.

Отчет Сольвычегодской городской управы о движении городских и других сумм, а равно и о предметах городского благоустройства за 1879 год // Вологодские губернские ведомости. 1880. № 91. С. 6.

Протокол Особого Присутствия Губернского Правления Сольвычегодский уезд // Вологодские губернские ведомости. 1890. № 24. С. 1,3.

Отчет о деятельности Сольвычегодской Городской Управы и подведомственных частей за 1892 год // Вологодские губернские ведомости. 1893. № 33. С. 3.

Нам пишут. Сольвычегодск // Вологодские губернские ведомости. 1900. - №72. С. 1.

Ведомость о справочных ценах на провиант и фураж Вологодской губернии за декабрь месяц 1875 г. // Вологодские губернские ведомости, 1876. №16. С. 4.

Ведомость о справочных ценах на провиант и фураж Вологодской губернии за декабрь месяц 1900 г. // Вологодские губернские ведомости. 1901. № 10. С. 6.

Журналы Сольвычегодского Уездного Земского Собрания первого очередного созыва седьмого трехлетия, 1888 года, 1889. – 219 с.

Раскладка государственного налога между городами и посадом Вологодской губернии в зависимости от ценности городских имуществ в рублях // Вологодские губернские ведомости. 1906. №10. С.5

Сольвычегодск. Из жизни города // Вологодский листок. 1911. № 287. С.3.

Обязательные постановления об открытии и содержании пивных лавок в г. Сольвычегодске // Вологодские губернские ведомости. 1908. № 48. С. 4.

Обязательные для жителей г. Сольвычегодска постановления по предметам городского благоустройства // Вологодские губернские ведомости. 1903. № 42. С. 5.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издания 1885 г. и по Продолжению 1912, с извлечением из решений Правительствующего сената, Свода законов, Сводов воен. И мор. Постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил с приложениями. – С.-Петербург, 1914. – XII, 1464 с.; 23.

Соль вычегодская (Наблюдения и заметки) // Вологодский листок. 1913. № 529. С. 3.

Список, назначенных к слушанию с участием присяжных заседателей в г. Сольвычегодске с 8 по 16 декабря 1910 года // Вологодские губернские ведомости. 1910. № 48 С.3.

Сольвычегодск // Вологодский листок. 1911. № 249. С.5

Сольвычегодский уезд. Зверское убийство // Вологодский листок. 1913. № 518. С. 3

Сольвычегодск. Шинки работают // Вологодский листок. 1913. № 621. С. 4.

Сольвычегодск. Как тушили пожар // Вологодский листок. 1913. № 598. С. 4.

Журналы Сольвычегодского Уездного Земского Собрания. Очередная сессия 1908 года. – В.-Устюг, 1909. С. 181–182.

Отчет Сольвычегодского Дамского Комитета по сбору пожертвований и изготовлению вещей для больных и раненых воинов на Дальнем Востоке за 1904 год // Вологодские губернские ведомости. 1905. № 35. С. 9.

И. Ц-кий. Путевые заметки // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1910. № 21. С. 394–395.

М. Лоцилов. Уроки истории // Заря. 1996. № 117. С.3.

Революционная хроника за 1905–1906 годы на территории Северо-Двинской губернии. По официальным документам С.-Двинского Губархбюро // Записки Северо-Двинского Общества Изучения Местного Края. Выпуск III. – Великий Устюг, 1926. – 63 с. С. 4, 58

От Вологодского Губернского Правления // Вологодские губернские ведомости. 1908. № 45. С. 5.

А. Янский. Сольвычегодск // Вологодский листок. 1911. № 255. С.5.

А. Янский. Сольвычегодск. Хроника местной жизни // Вологодский листок. 1911. № 276. С.3.

Ег. Северный. Сольвычегодск. Хроника городской жизни // Вологодский листок. 1911. № 282. С.4.

Ег. Северный. Сольвычегодск. Из жизни города // Вологодский листок. 1911. № 287. С. 3.

Ег. Северный. Сольвычегодск. Хроника местной жизни. Развлечения // Вологодский листок. 1911. № 298. С. 3.

Ег. Северный. Сольвычегодское уездное собрание // Вологодский листок. 1911. № 301. С. 3.

Ег. Северный. Сольвычегодск. Из местной жизни // Вологодский листок. 1911. № 311. С.3.

Ег. Северный. Городская библиотека // Вологодский листок. 1913. № 593. С. 5.

Война Белой и Алой розы // Вологодский листок. 1913. № 566. С. 3.

А.С. Бебякина. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сольвычегодского и Великоустюгского уездов // Двинская земля. Выпуск 12. Материалы всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «14-е Стефановские чтения» 26 марта 2021 года, 2021. Котлас. – 268 с. С.148–156

Список убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам по Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1915. № 3. С. 5.

Сольвычегодск. Земская служба // Вологодский листок. 1916. № 1049. С. 3.

Дровяной вопрос в г. Сольвычегодске // Вологодский листок. 1917. № 1130. С.3.

Вородино, Сольвычегодского уезда // Вольный голос Севера. 1917. № 58. С. 4.

Воззвание ко всем гражданам Сольвычегодского уезда // Вольный голос Севера. 1917. № 59. С. 4.

Т. А. Санакина. Крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в период Гражданской войны 1918–1919 гг. // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере. Ключевые проблемы, историческая память и уроки истории. сб. материалов международной научной конференции, 2020. – 368 с. С.233–249.

В. И. Щипин. Они были первыми... Председатели Сольвычегодского исполнительного комитета в 1918 году // Двинская земля. Выпуск 12. Материалы всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «14-е Стефановские чтения», 2021. – 268 с. С. 51–54.

Сольвычегодск // Северное эхо. 1918. № 142. С. 4.

Сольвычегодск (Из письма) // Северное эхо. 1918. № 155. С. 4.

Сольвычегодск // Северное эхо. 1918. № 158. С. 3.

«Только стою за святую церковь...» Житие игумена Леонида (Молчанова). – Архангельск, 2007. – 14 с.

Д. Горынцев. Первые газеты котласской округи // Вечерний Котлас, 2012. 16 ноября. С.20–21.

Революционный трибунал // Голос бедняка. 1919. № 50. С. 4.

О начальстве пекутся. // Голос бедняка. 1919. № 6. С.3.

Поп обжора. (Верхне-Уфтюгская волость) // Голос бедняка. 1919. № 82. С. 4.

И. И. Томский Эскизы из природы и жизни Малопинежья (подг. Текста и комм. А. Н. Власова, З. Н. Мехреньгиной) // Памятники Сольвычегодской старины в культуре Русского Севера начала XX столетия. (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея). Отв. ред. и авт.-сост. А. Н. Власов. – Сыктывкар, 2022. – 480 с., ил. С. 23-24.

А. Н. Власов. З. Н. Мехреньгина. И. И. Томский – основатель и первый директор Сольвычегодского музея // Памятники Сольвычегодской старины в культуре Русского Севера начала XX столетия. (К 100-летию Сольвычегодского историко-художественного музея). Отв. ред. и авт.-сост. А. Н. Власов. – Сыктывкар, 2022. – 480 с., ил. С. 15-22.

Деревня Метлино // Голос бедняка. 1919. № 4. С. 3.

На пути к свету и знанию. // Голос бедняка. 1919. № 29. С. 3

Отчет по устройству Тургеневского вечера. // Голос бедняка. 1919. № 4. С. 4.

Обязательный субботник // Борьба и труд. 1920. № 15. С. 2.

Дворец искусств // Борьба и труд. 1920 №45 С.2

К открытию Дворца Искусств в г. Сольвычегодске // Борьба и труд. 1921. №9 С.1

Женский праздник. // Борьба и труд. 1921. № 19. С. 2.

Наше мировоззрение // Голос бедняка. 1920. № 7. С. 4.

Засилье кулаков в Метлинской волости. // Голос бедняка. 1919. №4 С.3

Нижнетоемская волость // Голос бедняка. 1919. №46 С.4

В. И. Щипин Расстрел в Черевкове // Двинская земля: Материалы 6 межрегион. обществ. -науч. ист.-краевед. Стефан. чтений, посвящ. 85-летию Котласского района, 10-летию движения краеведов "Северное трехречье", 2010. – Вып. 6. – С. 157–165.

От Сольвычегодского Упродкома. // Голос бедняка. 1919. №79 С.1.

От Сольвычегодского Упродкома. // Голос бедняка. 1919. №97 С.4.

Маленький фельетон. Наварил бы соли, да «гвоздя нет». // Борьба и Труд. 1920. №11 С.4

Вторая Сухаревка. // Борьба и Труд. 1921. №14 С.2

Солеваренный завод. // Борьба и Труд. 1921. №43 С.2

Корниловская волость. На черную доску. // Борьба и труд. 1920. №42 С.2

Протоколы заседаний 5 очередного Съезда Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов и представителей различных организаций Сольвычегодского уезда С.-Двинской губернии. // Голос бедняка. 1920. №57 С.3.

Шкурники. // Голос бедняка. 1919. №29 С.1.

Как кормят учителей. // Борьба и труд. 1921. №45 С.1

Давайте работать! // Борьба и труд., 1920. №4 С.2

Второй Сольвычегодский Уездный Съезд РКСМ // Борьба и труд, 1920. №4 С.2

В Северо-Двинском Революционном Трибунале // Голос бедняка. 1919. №72 С.3.

Революционный Трибунал. // Голос бедняка. 1919. №74 С.4.

- Список дел, назначенных к слушанию С.-Двинским Революционным Трибуналом (Выездная Сессия) в г. Сольвычегодске на 20 февраля // Борьба и труд. 1921. № 13. С. 2.
- Почтовый ящик. Стелла Бордо // Борьба и труд. 1921. № 20. С. 2.
- И. Г. Котова. Сольвычегодский педагогический техникум. Первое десятилетие // Материалы Сольвычегодского музея-заповедника, 2021.
- Курсы по подготовке в техникумы // Советская мысль. 1930. № 29. С.6.
- А. С. Тюкавина. Был в Сольвычегодске госпиталь... // Двинская правда. 1985. № 53.
- С. 3.
- О сольвычегодской районной газете «Сталинский путь» // Сталинский путь. 1949. № 25. С.2.
- Директор бани пьянствует // Сталинский путь. 1949. № 32. С.2.
- Хищение древесины // Сталинский путь. 1949. № 38. С. 2.
- А. Павлов. Сольвычегодск сегодня // Сталинский путь. 1949. № 52. С. 2.
- Безобразиям в торговле нет конца // Сталинский путь. 1952. № 2. С. 2.
- Прора навести порядок в торговле горпо // Сталинский путь. 1952. № 38. С.2.
- Относительно непорядков в районном Доме культуры // Сталинский путь. 1955. № 7.
- С. 2.
- Результат бесконтрольности // Сталинский путь. 1955. № 70. С. 2.
- Забытый дом // Сталинский путь. 1955. № 67. С. 2.
- Где купить керосин // Знамя ленинизма. 1957. № 71. С. 4.
- Нам обеспечена спокойная старость // Знамя ленинизма. 1957. № 104. С. 4.
- Ю. Антипина. В Сольвычегодске сгорел торфобрикетный завод // Вечерний Котлас. 16.03.2012.
- О. В. Десяткин. Из истории Сольвычегодского торфобрикетного завода // Двинская земля: Материалы общественно-научной историко-краеведческой конференции Выпуск 9. «10-е Стефановские чтения» 14 марта 2015 года, 2015. Котлас. С.164–169.